

СЕРГЕЙ
ДОВЛАТОВ

Иностранка

Нью-Йорк

\$895

お買物、

9

ANTIQU

Аракс

DINER

MAGIC

THEAT

АЗБУКА-КЛАССИКА

Annotation

Сергей Довлатов — один из наиболее популярных и читаемых русских писателей конца XX — начала XXI века. Его повести, рассказы и записные книжки переведены на множество языков, экранизированы, изучаются в школе и вузах. «Заповедник», «Зона», «Иностранка», «Наши», «Чемодан» — эти и другие удивительно смешные и пронзительно печальные довлатовские вещи давно стали классикой. «Отморозил пальцы ног и уши головы», «выпил накануне — ощущение, как будто проглотил заячью шапку с ушами», «алкоголизм излечим — пьянство — нет» — шутки Довлатова запоминаешь сразу и на всю жизнь, а книги перечитываешь десятки раз. Они никогда не надоедают.

- [Сергей Довлатов](#)
 - [Сто восьмая улица](#)
 - [Девушка из хорошей семьи](#)
 - [После кораблекрушения](#)
 - [Таланты и поклонники](#)
 - [Те же и Гонзалес](#)
 - [Разговоры](#)
 - [На улице и дома](#)
 - [Я хочу домой](#)
 - [Операция «Песня»](#)
 - [Ловите попугая!](#)
 - [Хэппи энд](#)
 - [Письмо живого автора Марии Татарович Вместо эпилога](#)
 - [Послесловие](#)
 - [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
-

Сергей Довлатов

Иностранка

*Одиноким русским женщинам в Америке — с
любовью, грустью и надеждой*

Сто восьмая улица

В нашем районе произошла такая история. Маруся Татарович не выдержала и полюбила латиноамериканца Рафаэля. Года два колебалась, а потом наконец сделала выбор. Хотя если разобраться, то выбирать Марусе было практически не из чего.

Вся наша улица переживала — как будут развиваться события? Ведь мы к таким делам относимся серьезно.

Мы — это шесть кирпичных зданий вокруг супермаркета, населенных преимущественно русскими. То есть недавними советскими гражданами. Или, как пишут газеты, — эмигрантами третьей волны.

Наш район тянется от железнодорожного полотна до синагоги. Чуть севернее — Мидоу-озеро, южнее — Квинс-бульвар. А мы — посередине.

108-я улица — наша центральная магистраль.

У нас есть русские магазины, детские сады, фотоателье и парикмахерские. Есть русское бюро путешествий. Есть русские адвокаты, писатели, врачи и торговцы недвижимостью. Есть русские гангстеры, сумасшедшие и проститутки. Есть даже русский слепой музыкант.

Местных жителей у нас считают чем-то вроде иностранцев. Если мы слышим английскую речь, то настораживаемся. В таких случаях мы убедительно просим:

— Говорите по-русски!

В результате отдельные местные жители заговорили по-нашему. Китаец из закусочной приветствует меня:

— Доброе утро, Солженицын!

(У него получается — «Солозениса».)

К американцам мы испытываем сложное чувство. Даже не знаю, чего в нем больше — снисходительности или благоговения. Мы их жалеем, как неразумных беспечных детей. Однако то и дело повторяем:

«Мне сказал один американец...»

Мы произносим эту фразу с интонацией решающего, убийственного аргумента. Например:

«Мне сказал один американец, что никотин приносит вред здоровью!...»

Здесьние американцы в основном немецкие евреи. Третья эмиграция, за редким исключением, — еврейская. Так что найти общий язык довольно просто.

То и дело местные жители спрашивают:
— Вы из России? Вы говорите на идиш?!

Помимо евреев в нашем районе живут корейцы, индусы, арабы. Чернокожих у нас сравнительно мало. Латиноамериканцев больше.

Для нас это загадочные люди с транзисторами. Мы их не знаем. Однако на всякий случай презираем и боимся.

Косая Фрида выражает недовольство:

— Ехали бы в свою паршивую Африку!..

Сама Фрида родом из города Шклова. Жить предпочитает в Нью-Йорке...

Если хотите познакомиться с нашим районом, то встаньте около канцелярского магазина. Это на перекрестке Сто восьмой и Шестьдесят четвертой. Приходите как можно раньше.

Вот разъезжаются наши таксисты: Лева Баранов, Перцович, Еселевский. Все они коренастые, хмурые, решительные.

Леве Баранову за шестьдесят. Он бывший художник-молотовист. В начале своей карьеры Лева рисовал исключительно Молотова. Его работы экспонировались в бесчисленных домоуправлениях, поликлиниках, месткомах. Даже на стенах бывших церквей.

Баранов до тонкостей изучил наружность этого министра с лицом квалифицированного рабочего. На пари рисовал Молотова за десять секунд. Причем рисовал с завязанными глазами.

Потом Молотова сняли. Лева пытался рисовать Хрущева, но тщетно. Черты зажиточного крестьянина оказались ему не по силам.

Такая же история произошла с Брежневым. Физиономия оперного певца не давалась Баранову. И тогда Лева с горя превратился в абстракциониста. Стал рисовать цветные пятна, линии и завитушки. К тому же начал пить и дебоширить.

Соседи жаловались на Леву участковому милиционеру:

— Пьет, дебоширит, занимается каким-то абстрактным цинизмом...

В результате Лева эмигрировал, сел за баранку и успокоился. В свободные минуты он изображает Рейгана на лошади.

Еселевский был в Киеве преподавателем марксизма-ленинизма. Защитил кандидатскую диссертацию. Готовился стать доктором наук.

Как-то раз он познакомился с болгарским ученым. Тот пригласил его на конференцию в Софию. Однако визы Еселевскому не дали. Видимо, не хотели посылать за границу еврея.

У Еселевского первый раз в жизни испортилось настроение. Он сказал:

— Ах вот как?! Тогда я уеду в Америку!

И уехал.

На Западе Еселевский окончательно разочаровался в марксизме. Начал публиковать в эмигрантских газетах запальчивые статьи. Но затем он разочаровался и в эмигрантских газетах. Ему оставалось только сесть за баранку...

Что касается Перцовича, то он и в Москве был шофером. Таким образом, в жизни его мало что изменилось. Правда, зарабатывать он стал гораздо больше. Да и такси здесь у него было собственное...

Вот идет хозяин фотоателье Евсей Рубинчик. Девять лет назад он купил свое предприятие. С тех пор выплачивает долги. Оставшиеся деньги уходят на приобретение современной техники. Десятый год Евсей питается макаронами. Десятый год таскает он армейские ботинки на литой резине. Десятый год его жена мечтает побывать в кино. Десятый год Евсей утешает жену мыслью о том, что бизнес достанется сыну. Долги к этому времени будут выплачены. Зато — напоминаю я ему — появится более современная техника...

Вот спешит за утренней газетой начинающий издатель Фима Друкер. В Ленинграде он считался знаменитым библиофилом. Целыми днями пропадал на книжном рынке. Собрал шесть тысяч редких, даже уникальных книг.

В Америке Фима решил стать издателем. Ему не терпелось вернуть русской литературе забытые шедевры — стихи Олейникова и Хармса, прозу Добычина, Агеева, Комаровского.

Друкер пошел работать уборщиком в торговый центр. Жена его стала медсестрой. За год им удалось скопить четыре тысячи долларов.

На эти деньги Фима снял уютный офис. Заказал голубоватые фирменные бланки, авторучки и визитные карточки. Нанял секретаршу, между прочим — внучку Эренбурга.

Свое предприятие он назвал — «Русская книга».

Друкер познакомился с видными американскими филологами — Романом Якобсоном, Малмстедом, Эдвардом Брауном. Если Роман Якобсон упоминал малоизвестное стихотворение Цветаевой, Фима торопился добавить:

— Альманах «Мосты», тридцатый год, страница двести шестьдесят четвертая.

Филологи любили его за эрудицию и бескорыстие...

Фима посещал симпозиумы и конференции. Беседовал в кулуарах с

Жоржем Нива, Оттенбергом и Раннитом. Переписывался с Верой Набоковой. Бережно хранил полученные от нее телеграммы:

«Решительно возражаю». «Категорически не согласна». «Условия считаю неприемлемыми». И так далее.

Он заказал себе резиновую печать: «Ефим Г. Друкер, издатель». Далее эмблема — заложенный гусиным пером фолиант — и адрес. На этом деньги кончились.

Друкер обратился к Михаилу Барышникову. Барышников дал ему полторы тысячи и хороший совет — выучиться на массажиста. Друкер пренебрег советом и уехал на конференцию в Амхерст. Там он познакомился с Вейдле и Карлинским. Поразил их своими знаниями. Напомнил двум ученым старикам множество забытых ими публикаций.

На обратном пути Друкер заехал к Юрию Иваску. Неделю жил у старого поэта, беседуя о Вагинове и Добычине. В частности, о том, кто из них был гомосексуалистом.

И снова деньги кончились.

Тогда Фима продал часть своей уникальной библиотеки. На вырученные деньги он переиздал сочинение Фейхтвангера «Еврей Зюсс». Это был странный выбор для издательства под названием «Русская книга». Фима предполагал, что еврейская тема заинтересует нашу эмиграцию.

Книга вышла с единственной опечаткой. На обложке было крупно выведено: «ФЕЙХТВАГНЕР».

Продавалась она довольно вяло. Дома не было свободы, зато имелись читатели. Здесь свободы хватало, но читатели отсутствовали.

Жена Друкера тем временем подала на развод. Фима перебрался в офис.

Помещение было уставлено коробками с «Евреем Зюссом». Фима спал на этих коробках. Дарил «Еврея Зюсса» многочисленным приятелям. Расплачивался книгами с внучкой Эренбурга. Пытался обменять их в русском магазине на колбасу.

Самое удивительное, что все, кроме жены, его любили...

Вот раскладывает свой товар хозяин магазина «Днепр» Зяма Пивоваров.

В Союзе Зяма был юристом. В Америке с первых же дней работал грузчиком на базе. Затем перешел разнорабочим в овощную лавку. И через год эту лавку купил.

Отныне ее снабжала товарами знаменитая фирма «Демша и Разин». Здесь продавалось вологодское масло, рижские шпроты, грузинский чай,

украинская колбаса. Здесь можно было купить янтарное ожерелье, электрический самовар, деревянную матрешку и пластинку Шаляпина.

Трудился Зяма чуть ли не круглые сутки. Это было редкостное единение мечты с действительностью. Поразительная адекватность желаний и возможностей. Недостижимое тождество усилий и результатов...

Зяма кажется мне абсолютно счастливым человеком. Продовольствие — его стихия. Его биологическая среда.

Зяма соответствует деликатесной лавке, как Наполеон — Аустерлицу. Среди деликатесов Зяма так же органичен, как Моцарт на премьере «Волшебной флейты».

Многие в нашем районе — его должники.

Около рыбного магазина гуляет с дворнягой публицист Зарецкий. Он в гимнастическом костюме со штрипками, лысина прикрыта целлофановым мешком.

В Союзе Зарецкий был известен популярными монографиями о деятелях культуры. Параллельно в самиздате циркулировали его анонимные исследования. В частности — объемистая неоконченная книга «Секс при тоталитаризме». Там говорилось, что девяносто процентов советских женщин — фригидны.

Вскоре карательные органы идентифицировали Зарецкого. Ему пришлось уехать. На таможне он сделал историческое заявление:

— Не я покидаю Россию! Это Россия покидает меня!..

Всех провожавших он спрашивал:

— Академик Сахаров здесь?..

За минуту до посадки он решительно направился к газону. Хотел увезти на чужбину горсточку русской земли.

Милиционеры прогнали его с газона.

Тогда Зарецкий воскликнул:

— Я уношу Россию на подошвах сапог!..

В Америке Зарецкий стал учителем. Он всех учил. Евреев — православию, славян — иудаизму. Американских контрразведчиков — бдительности.

Всеми силами он боролся за демократию. Он говорил:

— Демократию надо внедрять любыми средствами. Вплоть до атомной бомбы!..

Как известно, чтобы быть услышанным в Америке, надо говорить тихо. Зарецкий об этом не догадывался. Он на всех кричал.

Зарецкий кричал на работников социального обеспечения. На

редактора ежедневной эмигрантской газеты. На медсестер в больнице. Он кричал даже на тараканов.

В результате его перестали слушать. Тем не менее он посещал все эмигрантские сборища и кричал. Он кричал, что западная демократия под угрозой. Что Джеральдин Ферраро — советская шпионка. Что американской литературы не существует. Что в супермаркетах продается искусственное мясо. Что Гарлем надо разбомбить, а велфер увеличить.

Зарецкий был профессиональным разрушителем. Инстинкт разрушения приобретал в нем масштабы творческой страсти.

В его руках немедленно ломались часы, магнитофоны, фотоаппараты. Выходили из строя калькуляторы, электробритвы, зажигалки.

Зарецкий поломал железный турникет в сабвее. Его телом надолго заклинило вертящиеся двери Сити-холла.

Встречая знакомого, он говорил:

— Что происходит, милейший? Ваша жена физически опустилась. Сын, говорят, попал в дурную компанию. Да и у вас нездоровый румянец. Пора, мой дорогой, обратиться к врачу!..

Как ни странно, Зарецкого уважали и побаивались...

Вот появляется отставной диссидент Караваев. В руках у него коричневый пакет. Сквозь бумагу выступают очертания пивных жестянок. На лице Караваева — сочетание тревоги и энтузиазма.

В Союзе он был известным правозащитником. Продемонстрировал в борьбе с режимом исключительное мужество. Отбыл три лагерных срока. Семь раз объявлял голодовки. Оказываясь на воле, принимался за старое.

В молодости Караваев написал такую басню. Дело происходит в зоопарке. Около клетки с пантерой толпится народ. Внизу — табличка с латинским названием. И сведения — где обитает, чем питается. Там же указано — «в неволе размножается плохо». Тут автор выдерживает паузу и спрашивает:

«А мы?!..»

После третьего срока Караваева отпустили на Запад. Первое время он давал интервью, ездил с лекциями, учреждал какие-то фонды. Затем интерес к нему поубавился. Надо было думать о пропитании.

Английского языка Караваев не знал. Диплома не имел. Его лагерные профессии — грузчика, стропалы и хлеборежа — в Америке не котировались.

Караваев сотрудничал в русских газетах. Писал он на единственную тему — будущее России. Причем будущее он различал гораздо яснее, чем

настоящее. С пророками это бывает.

Америка разочаровала Караваева. Ему не хватало здесь советской власти, марксизма и карательных органов. Караваеву нечему было противостоять.

Лагерные болезни давали ему право на инвалидность. Караваев много пил, а главное — опохмелялся. Благо пивом в нашем районе торгуют круглые сутки.

Таксисты и бизнесмены поглядывали на Караваева свысока...

Вот садится за руль «шевроле» таинственный общественный деятель Лемкус. В Союзе Лемкус был профессиональным затейником. Организовывал массовые гулянья. Оглашал торжественные здравицы в ходе первомайских демонстраций. Писал юбилейные речи, кантаты, стихотворные инструкции для автолюбителей. Подрабатывал в качестве тамады на молодежных свадьбах. Сочинял цирковые репризы:

— Вася, что случилось? Почему ты грустный?

— На моих глазах человек упал в лужу.

— И ты расстроился?

— Еще бы! Ведь этим человеком был я!..

Уехал Лемкус в результате политических гонений. А гонения, в свою очередь, явились результатом кошмарной нелепости.

Вот как это было. Лемкус написал кантату, посвященную 60-летию вооруженных сил. Исполнялась кантата в Доме офицеров. Текст ведущего читал сам Лемкус.

За его спиной расположился духовой оркестр. В зале собралось более шестисот представителей армии и флота. Динамики транслировали кантату по всему городу.

Все шло прекрасно. Декламируя кантату, Лемкус попеременно натягивал солдатскую фуражку или матросскую бескозырку.

В заключительной части кантаты были такие слова:

И, сон наш мирный защищая,
Вы стали тверже, чем гранит.
За это партия родная
Достойных щедро наградит!..

Последнюю фразу Лемкус выкрикнул с особой горячностью — «достойных щедро наградит!». И в эту минуту ему на голову упал

сценический противовес. То есть, попросту говоря, брезентовый мешок килограммов на двенадцать.

Лемкус потерял сознание. Зрителям оставались видны лишь стоптанные подошвы его концертных туфель.

Через три секунды в проходах забегали милиционеры. Еще через три секунды зал был полностью оцеплен. Лемкуса привели в сознание, чтобы немедленно арестовать.

Майор КГБ обвинил его в продуманной диверсии. Майор был уверен, что Лемкус заранее все рассчитал и подстроил. То есть сознательно обрушил мешок на голову ведущему, чтобы дискредитировать коммунистическую партию.

— Но я же сам и был ведущим, — оправдывался Лемкус.

— Тем более, — говорил майор.

Короче, Лемкус подвергся гонениям. Его лишили права заниматься идеологической работой. О другой работе Лемкус и не помышлял.

В конечном счете Лемкусу пришлось эмигрировать. Месяца четыре он работал по специальности. Организовывал массовые поездки эмигрантов к Ниагарскому водопаду. Выступал тамадой на бармицвах. Писал стихи, рифмованные объявления, здравицы, кантаты. Мне, например, запомнились такие его строчки:

От КГБ всю жизнь страдая,
Мы помним горечь всех обид!
Пускай Америка родная
Нас от врагов предохранит!..

Однако платили Лемкусу мало. Между тем у него появился второй ребенок. И тут его представили баптистам.

Баптисты интересовались третьей эмиграцией. Им нужен был свой человек в эмигрантских кругах. Они хотели привлечь к себе внимание российских беженцев.

Баптисты оценили Лемкуса. Он был хорошим семьянином, не курил и пил умеренно.

Так Лемкус стал религиозным деятелем. Возглавил загадочное транслируемое радио. Вел регулярную передачу — «Как узреть Бога?».

Он стал набожным и печальным. То и дело шептал, опуская глаза:

— Если Господу будет угодно, Фира приготовит на обед телятину...

В нашем районе его упорно считают мошенником...

Вот сворачивает за угол торговец недвижимостью Аркаша Лернер. Видно, ему что-то понадобилось к завтраку. Какая-нибудь диковинная приправа.

Лернер начинал свою карьеру режиссером белорусского телевидения. Его жена работала на телестудии диктором.

Лернеры жили дружно и счастливо. У них была хорошая квартира, две зарплаты, сын Мишаня и автомобиль.

Аркадия Лернера считали крепким профессионалом. Даже пристрастие к замедленным съемкам не могло испортить его телеочерков. В них грациозно скакали колхозные лошади, медленно раскрывались цветы, парили чайки. Лернера увлекала гармония, как таковая. Его короткометражки считались импрессионистскими.

А кругом бурлила жизнь, наполненная социалистическим реализмом. За стеной водопроводчик Берендеев избивал жену. Под окнами шумели алкаши. Директор телестудии был ярко выраженным антисемитом.

И Лернеры решили эмигрировать. Тем более что в эту пору уезжали многие. В том числе и близкие друзья.

В Америке Лернер около года пролежал на диване. Его жена работала продавщицей в «Александресе». Сын посещал еврейскую школу.

Лернер мечтал получить работу на телевидении. При этом он был совершенно нетипичным эмигрантом. Не выдавал себя за бывшего лауреата государственных премий. Не фантазировал относительно своих диссидентских заслуг. Не утверждал, что западное искусство переживает кризис.

Друзья организовали ему встречу с продюсером. Тот хотел заняться экранизациями русской классики. Ему был нужен режиссер славянского происхождения.

Встреча состоялась на террасе ресторана «Блоу-ап».

— Вы режиссер? — спросил американец.

— Не думаю, — ответил Лернер.

— То есть?

— За последний год я страшно деградировал.

— Но, говорят, вы были режиссером?

— Был. Вернее, числился. Меня тарифицировали в шестьдесят седьмом году. А до этого я работал помощником.

— Помощником режиссера?

— Да. Это который бежит за водкой.

— Говорят, вы были талантливым режиссером?

— Талантливым? Впервые слышу. То, что я делал, меня не удовлетворяло...

— О'кей! Я занимаюсь экранизациями классики.

— По-моему, все экранизации — дерьмо!

— Это комплимент?

— Я хотел сказать, что предпочел бы оригинальную тему.

— Например?

— Что-нибудь о природе...

Тут между собеседниками возникла пропасть. И увеличивалась в дальнейшем с каждой минутой. Янки говорил:

— Природа не окупается!

Лернер возражал:

— Искусство не продается!..

На том они и расстались. Лернер еще месяца три пролежал без движения. При этом следует отметить, что его финансовые дела шли неплохо.

Видимо, Лернер обладал каким-то специфическим даром материального благополучия. Вообще, я уверен, что нищета и богатство — качества прирожденные. Такие же, например, как цвет волос или, допустим, музыкальный слух. Один рождается нищим, другой — богатым. И деньги тут фактически ни при чем.

Можно быть нищим с деньгами. И — соответственно — принцем без единой копейки.

Я встречал богачей среди зеков на особом режиме. Там же мне попадались бедняки среди высших чинов лагерной администрации...

Бедняки при любых обстоятельствах терпят убытки. Бедняков постоянно штрафуют даже за то, что их собака оправилась в неположенном месте. Если бедняк случайно роняет мелочь, то деньги обязательно проваливаются в люк.

А у богатых все наоборот. Они находят деньги в старых пиджаках. Выигрывают по лотерее. Получают в наследство дачи от малознакомых родственников. Их собаки удостаиваются на выставках денежных премий.

Видимо, Лернер родился заведомо состоятельным человеком. Так что деньги у него вскоре появились.

Сначала его укусил ньюфаундленд, принадлежавший местному дантисту. Лернеру выплатили значительную компенсацию. Потом Лернера разыскал старик, который накануне империалистической войны занял у его деда три червонца. За семьдесят лет червонцы превратились в несколько тысяч долларов. После этого к Лернеру обратился знакомый:

— У меня есть какие-то деньги. Возьми их на хранение. И если можно, не задавай лишних вопросов.

Деньги Лернер взял. Вопросы задавать ленился.

Через неделю знакомого пристрелили в Атлантик-Сити.

В результате Лернер приобрел квартиру. За год она втрое подорожала. Лернер продал ее и купил три других. В общем, стал торговать недвижимостью..

С дивана он поднимается все реже. Денег у него становится все больше. Тратит их Лернер с размахом. В основном на питание.

За двенадцать лет жизни в Америке он приобрел единственную книгу. Заглавие у книги было выразительное. А именно — «Как потратить триста долларов на завтрак»...

После завтрака Лернер дремлет, отключив телефон. Даже курить ему лень...

Я чувствую, пролог затягивается. Пора уже нам вернуться к Марусе Татарович.

Девушка из хорошей семьи

Марусин отец был генеральным директором производственно-технического комбината. Звали его Федор Макарович. Мать заведовала крупнейшим в городе пошивочным ателье. Звали ее Галина Тимофеевна.

Марусины родители не были карьеристами. Наоборот, они производили впечатление скромных, застенчивых и даже беспомощных людей.

Федор Макарович, например, стеснялся заходить в трамвай и побаивался официантов. Поэтому он ездил в черной горкомовской машине, а еду брал из закрытого распределителя.

Галина Тимофеевна, в свою очередь, боялась крика и не могла уволить плохую работницу. Поэтому увольнениями занимался местком, а Галина Тимофеевна вручала стахановцам награды.

Марусины родители не были созданы для успешной карьеры. К этому их вынудили, я бы сказал, гражданские обстоятельства.

Есть данные, гарантирующие любому человеку стремительное номенклатурное восхождение. Для этого надо обладать четырьмя примитивными качествами. Надо быть русским, партийным, способным и трезвым. Причем необходима именно совокупность всех этих качеств. Отсутствие любого из них делает всю комбинацию совершенно бессмысленной.

Русский, партийный, способный алкаш — не годится. Русский, партийный и трезвый дурак — фигура отживающая. Беспартийный при всех остальных замечательных качествах — не внушает доверия. И наконец, трезвый, способный еврей-коммунист — это даже меня раздражает.

Марусины родители обладали всеми необходимыми данными. Они были русские, трезвые, партийные и если не чересчур способные, то, как минимум, дисциплинированные.

Поженились они еще до войны. К двадцати трем годам Федор Макарович стал инженером. Галина Тимофеевна работала швеей-мотористкой.

Затем наступил тридцать восьмой год.

Конечно, это было жуткое время. Однако не для всех. Большинство танцевало под жизнерадостную музыку Дунаевского. Кроме того, ежегодно понижались цены. Икра стоила девятнадцать рублей килограмм.

Продавалась она на каждом углу.

Конечно, невинных людей расстреливали. И все же расстрел одного шел на пользу многим другим. Расстрел какого-нибудь маршала гарантировал повышение десяти его сослуживцам. На освободившееся место выдвигали генерала. Должность этого генерала занимал полковник. Полковника замещал майор. Соответственно повышали в званиях капитанов и лейтенантов.

Расстрел одного министра вызывал десяток служебных перемещений. Причем направленных исключительно вверх. Толпы низовых бюрократов взбирались по служебной лестнице.

На заводе, где трудился Федор Макарович, арестовали человек восемь. Среди прочих — начальника цеха. Федор Макарович занял его должность.

На фабрике, где работала его жена, арестовали бригадира. На его место выдвинули Галину Тимофеевну.

Аресты не прекращались два года. За это время Федор Макарович стал главным технологом небольшого предприятия. Галина Тимофеевна превратилась в заведующую отделом сбыта.

Потом началась война. Металлургический завод и швейная фабрика были своевременно эвакуированы. В Новосибирске у Федора Макаровича и Галины Тимофеевны родилась дочка. Назвали ее Марусей.

Марусины родители были необходимы в глубоком тылу. Побывать в окопах им не довелось. Хотя многие административные работники оказались на фронте. Лучшие из них погибли. А Федора Макаровича и Галину Тимофеевну повысили в должности. Кто решится упрекнуть их за это?..

К шестидесятому году Марусины родители прочно утвердились в номенклатуре среднего звена. Они были руководителями предприятий и депутатами местных Советов. У них были все соответствующие привилегии — громадная квартира, дача, финская ореховая мебель. Под окнами у них всегда дежурила служебная машина.

Предприятие, которое возглавлял Федор Макарович, считалось образцовым. В семидесятом году его посетил Леонид Ильич Брежнев. И тут Федор Макарович отличился.

Перед корпусом заводоуправления был разбит газон. Обыкновенный газон с указателем — «Ходить по траве воспрещается!».

Генеральный секретарь приехал в октябре. К этому времени трава пожелтела. Федор Макарович отдал распоряжение — покрасить траву. И ее действительно покрасили. Для этой цели был использован малярный

пульверизатор. Газон приобрел изумрудную субтропическую окраску.

Приехал Брежнев. Подошел вместе с охраной к заводууправлению. Кинул взгляд на газон и пошутил:

— Значит, ходить воспрещается? А мы попробуем!

И Брежнев уверенно шагнул на траву.

Все засмеялись, начали аплодировать. Федор Макарович от хохота выронил приветственный адрес. Брежнев обнял Федора Макаровича и сказал:

— Показывай, орел, свое хозяйство!

С этого момента Брежнев покровительствовал Татаровичу...

Маруся росла в обеспеченной дружной семье. Во дворе ее окружали послушные и нарядные дети. Дом, в котором они жили, принадлежал горкому партии. В специальной будке дежурил милиционер, который немного побаивался жильцов.

Маруся росла счастливой девочкой без комплексов. Она хорошо училась в школе, посещала кружок бальных танцев. У нее был рояль, цветной телевизор и даже собака.

Жизнь ее состояла из добросовестной учебы плюс невинные здоровые развлечения — кино, театры, музеи.

Занятия физкультурой облегчили ей муки полового созревания.

Окончив школу, Маруся легко поступила в институт культуры. Выпускники его, как правило, заведуют художественной самодеятельностью. Однако Маруся была уверена, что найдет себе работу получше. Допустим, где-то на радио или в музыкальном журнале. В этом ей могли помочь родители.

С тринадцати лет Марусю окружали развитые, интеллигентные, хорошо воспитанные юноши. Маруся так привыкла к дружбе с ними, что редко задумывалась о любви. Каждый из окружавших ее молодых людей готов был стать верным поклонником. Каждый поклонник готов был жениться на миловидной, стройной и веселой дочери Татаровича.

Но вышло совсем по-другому. Дело в том, что Маруся полюбила еврея...

Всем, у кого было счастливое детство, необходимо почаще задумываться о расплате. Почаще задавать себе вопрос — а чем я буду расплачиваться?

Веселый нрав, здоровье, красота — чего мне это будет стоить? Во что мне обойдется полный комплект любящих, состоятельных родителей?

И вот на девятнадцатом году Маруся полюбила еврея с безнадёжной

фамилией Цехновицер.

В сущности, еврей — это фамилия, профессия и облик. Бытует деликатный тип еврея с нейтральной фамилией, ординарной профессией и космополитической внешностью. Однако не таков был Марусин избранник.

Звали его полностью Лазарь Рувимович Цехновицер, он был худой, длинноносый, курчавый, а также учился играть на скрипке. Мало того, как всякий еврей, Цехновицер был антисоветчиком. Маруся полюбила его за талант, удобу, эрудицию и саркастический юмор.

Марусины родители забеспокоились, хотя они и не были антисемитами. Галина Тимофеевна в неофициальной обстановке любила повторять:

— Лучше уж я возьму на работу еврея. Еврей, по крайней мере, не запьет!

— К тому же, — добавлял Федор Макарович, — еврей хоть с головой ворует. Еврей уносит с производства что-то нужное. А русский — все, что попадется...

И все-таки Марусины родители забеспокоились. Тем более что Цехновицер казался им сомнительной личностью. Он каждый вечер слушал западное радио, носил дырявые полуботинки и беспрерывно шутил. А главное, давал Марусе идейно незрелые книги — Бабея, Платонова, Зощенко.

Зять-еврей — уже трагедия, думал Федор Макарович, но внуки-евреи — это катастрофа! Это даже невозможно себе представить!

Федор Макарович решил поговорить с Цехновицером. Он даже хотел сгоряча предложить Цехновицеру взятку. Но Галина Тимофеевна оказалась более мудрой.

Она стала настойчиво приглашать Цехновицера в гости. Окружила его заботой и вниманием. Одновременно приглашались дети Говорова, Чичибабина, Линецкого, Шумейко. (Говоров был маршалом, Чичибабин — академиком живописи, Линецкий — директором фирмы «Совфрахт», а Шумейко — инструктором ЦК.)

Цехновицер в этой компании чувствовал себя изгоем. Его мать работала трамвайным кондуктором, отец погиб на фронте.

Молодежь, собиравшаяся у Татаровичей, ездила на юг и в Прибалтику. Хорошо одевалась. Любила рестораны и театральные премьеры. Приобретала у спекулянтов джазовые записи.

У Цехновицера не было денег. За него всегда платила Маруся.

В отместку Цехновицер стал ненавидеть Марусиных друзей.

Цехновицер старался уличить их в тупости, хамстве, цинизме, достигая, естественно, противоположных результатов.

Если Цехновицеру говорили: «Попробуйте манго» — он вызывающе щурился:

— Предпочитаю хлебный квас!

Если с Цехновицером дружески заговаривали, он вскидывал брови:

— Предпочитаю слушать тишину!

В результате Цехновицер надоел Марусе, и она полюбила Диму Федорова.

Сын генерала Федорова учился на хирурга. Это был юноша с заведомо решенными проблемами, веселый и красивый. У него было все хорошо. Причем он даже не знал, что бывает иначе.

У него был папа, которым можно гордиться. Квартира на улице Щорса, где он жил с бабушкой. А также — дача, мотоцикл, любимая профессия, собака и охотничье ружье. Оставалось найти молодую красивую девушку из хорошей семьи.

На пятом курсе Дима Федоров стал думать о женитьбе. И тут он познакомился с Марусей. Через шесть недель они спускались по мраморной лестнице Дворца бракосочетаний. Еще через сутки молодожены уехали в Крым.

Осенью родители подарили им двухкомнатную квартиру. Так началась Марусина супружеская жизнь.

Дима пропадал в академии. Маруся готовилась к защите диплома — «Эстетика бального танца».

Вечерами они смотрели телевизор и беседовали. По субботам ходили в кино. Принимали гостей и навещали знакомых.

Маруся была уверена, что любит Диму. Ведь она сама его выбрала.

Дима был заботливый, умный, корректный. Он ненавидел беспорядок. Каждое утро он вел записи в блокноте. Там были рубрики — обдумать, сделать, позвонить. Иногда он записывал: «Не поздороваться с Виталием Луценко». Или: «В ответ на хамство Алешковича спокойно промолчать».

В субботу появлялась запись: «Маша». Это значило — кино, театр, ужин в ресторане и любовь.

Дима говорил:

— Я не педант. Просто я стараюсь защититься от хаоса...

Дима был хорошим человеком. Пороки его заключались в отсутствии недостатков. Ведь недостатки, как известно, привлекают больше, чем достоинства. Или, как минимум, вызывают более сильные чувства.

Через год Маруся его возненавидела. Хотя выразить свою ненависть ей мешало Димино безупречное поведение.

Так что жили они хорошо.

Правда, мало кто знает, что это — беда, если все начинается хорошо. Значит, кончиться все это может только несчастьем.

Так и случилось.

Сначала умер Димин папа, генерал. Затем попала в сумасшедший дом алкоголичка мама. Затем наследники, три брата и сестра, переругались, обсуждая, что — кому.

Самые ценные вещи из генеральского дома были конфискованы прокуратурой. В частности, шашка, подаренная Сталиным, и усеянный рубинами югославский орден.

Короче говоря, за месяц Дима превратился в обыкновенного человека. В целеустремленного и трудолюбивого аспиранта средних дарований.

Иногда Маруся уговаривала его:

— Хоть бы ты напился!

Дима отвечал Марусе:

— Пьянство — это добровольное безумие.

Маруся не успокаивалась:

— Хоть бы ты меня приревновал!

Дима четко формулировал:

— Ревновать — это мстить себе за ошибки других...

Самое трудное испытание для благополучного человека — это внезапное неблагополучие. Дима становился все более рассеянным и унылым. В ресторанах он теперь заказывал биточки и компот. Заграничный костюм надевал в исключительных случаях. Финансовой поддержки Марусиных родителей стыдился.

И тут Маруся стала ему изменять. Причем неразборчиво и беспрерывно. Она изменяла ему с друзьями, знакомыми, водителями такси. С преподавателями института культуры. С трамвайными попутчиками. Она изменила ему даже с внезапно появившимся Цехновицером.

Сначала Маруся оправдывалась и лгала. Выдумывала несуществующие факультативные занятия и семинары. Говорила о бессонной ночи у подруги, замышлявшей самоубийство. О неожиданных поездках к родственникам в Дергачево.

Затем ей надоело лгать и оправдываться. Надоело выдумывать фантастические истории. У Маруси не было сил.

Возвращаясь под утро, Маруся говорила себе — ладно, обойдется. Что-нибудь придумаю в такси. Что-нибудь придумаю в лифте. Что-нибудь

скажу экспромтом.

Дима удивленно спрашивал:

— Где ты была?

— Я?! — восклицала Маруся.

— Ну.

— Что значит — где?! Он спрашивает — где! Допустим, у знакомых.

Могу я навестить знакомых?..

Если Дима продолжал расспрашивать, Маруся быстро утомлялась:

— Считай, что я пила вино! Считай, что я распущенная женщина!

Считай, что мы в разводе!..

Нет, как известно, равенства в браке. Преимущество всегда на стороне того, кто меньше любит. Если это можно считать преимуществом.

К тридцати годам Маруся поняла, что жизнь состоит из удовольствий. Все остальное можно считать неприятностями.

Удовольствия — это цветы, рестораны, любовь, заграничные вещи и музыка. Неприятности — это отсутствие денег, попреки, болезни и чувство вины.

Маруся предавалась удовольствиям, разумно избегая неприятностей.

Марусе было жалко Диму. Она испытывала угрызения совести. Она говорила:

— Хочешь, я познакомлю тебя с какой-нибудь девицей?

Дима удивленно спрашивал:

— На предмет чего?..

Вскоре Дима и Маруся развелись. Маруся переехала к родителям. Родители сначала огорчились, но довольно быстро успокоились. Дима Федоров как муж уже не представлял большого интереса. Маруся же опять была невестой, девушкой из хорошей семьи.

Через некоторое время Маруся полюбила знаменитого дирижера Каждана. Затем — известного художника Шарафутдинова, которому покровительствовал сам Гейдар Алиев. Затем — прославленного иллюзиониста Мабиса, распиливавшего женщин на две части. Все они были гораздо старше Маруси. И более того, годились ей в отцы.

С Кажданом она ездила в Прибалтику и на Урал. С Шарафутдиновым год прожила в Алушке. С иллюзионистом Мабисом летала по всему Заполярию.

В результате Каждан, отравившись миногами, умер. Шарафутдинов под давлением обкома вернулся к больной некрасивой жене. А Мабис, будучи с гастрольями во Франкфурте, добился там политического убежища.

Короче, все они покинули Марусю. При этом лишь один Каждан ушел из ее жизни деликатно. Поведение остальных чем-то напоминало бегство.

И вот Марусей овладело чувство тревоги. Все ее подруги были замужем. Их положение отличалось стабильностью. У них был семейный очаг.

Разумеется, не все ее подруги жили хорошо. Некоторые изменяли своим мужьям. Некоторые грубо ими помыкали. Многие сами терпели измены. Но при этом — они были замужем. Само наличие мужа делало их полноценными в глазах окружающих.

Муж был совершенно необходим. Его следовало иметь хотя бы в качестве предмета ненависти.

К этому времени Марусе было под тридцать. Ей давно уже пора было родить. Маруся знала, что еще два-три года — и будет поздно.

Маруся забеспокоилась. Свободные мужчины, как и прежде, оказывали ей знаки внимания. Многие женщины ей, как и прежде, завидовали. Рестораны, театры, сертификатные магазины — все это было к ее услугам. А чувство тревоги не утихало. И даже с каждым месяцем усиливалось.

И тут на Марусином горизонте возник знаменитый эстрадный певец Бронислав Разудалов. Сейчас его имя забыто, но в шестидесятые годы он был популярнее Хиля, Кобзона, Долинского.

Разудалов соответствовал всем Марусиным требованиям. Он был красив, талантлив, популярен, много зарабатывал. А главное — жил весело, легко и беззаботно.

Маруся ему тоже понравилась, она была стройная, веселая и легкомысленная.

У них получилось что-то вроде гражданского брака.

Разудалов часто ездил на гастроли. Марусе нравилось его сопровождать.

Сначала она просто находилась рядом. Вечерами сидела на его концертах. Днем ходила по комиссионным магазинам.

Затем у нее появились какие-то обязанности. Маруся заказывала афиши. Организовывала положительные рецензии в местных газетах. И даже вела бухгалтерию, что не требовало особого профессионализма. Ведь ей приходилось только складывать и умножать.

До ее появления Разудалов конферировал сам. Ему нравилось беседовать со зрителями, особенно в провинции. Он, например, говорил, предваряя свое выступление:

— У некоторых певцов красивый голос. А некоторые, как говорится, поют душой. Так вот, голоса у меня нет...

Далее следовала короткая пауза.

— И души тоже нет...

Под смех и аплодисменты Разудалов заканчивал:

— Чем пою — сам удивляюсь!..

Постепенно Марусе стали доверять обязанности ведущего. Маруся заказала себе три концертных платья. Научилась грациозно двигаться по сцене. В ее голосе зазвучали чистые пионерские ноты.

Маруся стремительно появлялась из-за кулис. Замирала, ослепленная лучами прожекторов. Окидывала первые ряды сияющим взглядом. И наконец выкрикивала:

— У микрофона — лауреат Всесоюзного конкурса артистов эстрады — Бронислав Разудалов!

Затем роняла голову, подавленная величию минуты...

Концерты Разудалова проходили с неизменным успехом. Репертуар у него был современный, камерный. В его песнях доминировала нота сдержанной интимности. Звучало это все примерно так:

Ты сказала — нет,
Я услышал — да...
Затерялся след у того пруда.
Ты сказала — да,
Я услышал — нет...

И тому подобное.

Разудалов был веселым человеком. Он зарабатывал на жизнь теми эмоциями, которыми другие люди выражают чувство безграничной радости и полного самозабвения. Он пел, танцевал и выкрикивал разные глупости. За это ему хорошо платили.

Вскоре, однако, Маруся заметила, что жизнелюбие Разудалова простирается слишком далеко. Она начала подозревать его в супружеских изменах. И не без оснований.

Она находила в его карманах пудреницы и шпильки. Обнаруживала на его рубашках следы помады. Вытаскивала из дорожного несессера синтетические колготки. И наконец, застала однажды в его гримуборной совершенно раздетую чревоушательницу Кисину.

В тот день она избила мужа нотным пюпитром. Через двадцать минут

Разудалов появился на сцене в темных очках. Левая рука его безжизненно висела.

На Марусины попреки Разудалов отвечал каким-то идиотским смехом. Он не совсем понимал, в чем дело. Он говорил:

— Мария, это несерьезно! Я думал, ты культурная, мыслящая женщина без предрассудков...

Разудалов оставался верен своему жизнелюбию, зато научился лгать. От непрерывной лжи у него появилось заикание. На сцене оно пропадало.

Он лгал теперь без всякого повода. Он лгал даже в тех случаях, когда это было нелепо. На вопрос: «Который час?» — он реагировал уклончиво.

Друзья шутили:

— Разудалов хочет трахнуть все, что движется...

Теперь уже от ревности страдала Маруся. Поджидала мужа ночами. Грозила ему разводом. А главное, не могла понять, зачем он это делает? Ведь она так сильно и бескорыстно его любила!..

Муж появлялся утром, распространяя запах вина и косметики:

— Засиделись, понимаешь, выпили, болтали об искусстве...

— Где ты был?

— У этого... у Голощекина... Тебе большой привет.

Маруся отыскивала в записной книжке телефон неведомого Голощекина. Женский голос хмуро отвечал:

— Илья Захарович в больнице...

Маруся, вспыхнув, подступала к Разудалову:

— Значит, ты был у Голощекина? Значит, вы болтали об искусстве?

— Странно, — поражался Разудалов, — лично я у него был...

И тут Маруся впервые задумалась — как жить дальше? Удовольствия неизбежно порождали чувство вины. Бескорыстные поступки вознаграждались унижениями. Получался замкнутый круг...

В чем источник радости? Как избежать разочарований? Можно ли наслаждаться без раскаяния? Все эти мысли не давали ей покоя.

Через год у нее родился мальчик.

Все шло как прежде. Разудалов ездил на гастроли. Возвратившись, быстро исчезал. Когда Маруся уличала его в новых изменах, оправдывался:

— Пойми, мне как артисту нужен импульс...

Маруся снова переехала к родителям. Галина Тимофеевна к этому времени стала пенсионеркой. Федор Макарович продолжал работать.

Неожиданно появлялся Разудалов с цветами и шампанским. Рассказывал о своих творческих успехах. Жаловался на цензуру, которая

запретила его лучшую песню: «Я пить желаю губ твоих нектар...»

Галину Тимофеевну он развязно называл — «мамуля». Шутки у него были весьма сомнительные. Например, он говорил Марусиному папе:

— Дядя Федя, ты со мною не шути! Ведь если разобраться, ты — никто. А я, между прочим, зять самого Татаровича!..

Выпив коньяка с шампанским и оставив пачку мятых денег, Разудалов убегал. Бремя отцовства его не тяготило. Целуя сына, он приговаривал:

— Надеюсь, ты вырастешь человеком большой души...

Временами Маруся испытывала полное отчаяние. Угрожала Разудалову самоубийством. Именно тогда в его репертуаре появился шлягер:

Если ты пойдешь
к реке топиться,
приходи со мной,
со мной проститься!
Эх, я тебя до речки провожу
и поглубже место укажу...

Тут как в сказке появился Цехновицер. Он дал Марусе почитать «Архипелаг ГУЛАГ» и настоятельно советовал ей эмигрировать. Он говорил:

— Поженимся фиктивно и уедем в качестве евреев.

— Куда? — спрашивала Маруся.

— Я, например, в Израиль. Ты — в Америку. Или во Францию...

Маруся вздыхала:

— Зачем мне Франция, когда есть папа...

И все-таки Муся стала задумываться об эмиграции. Во-первых, это было модно. Почти у каждого мыслящего человека хранился израильский вызов.

То и дело уезжали знакомые деятели культуры. Уехал скульптор Неизвестный, чтобы осуществить в Америке грандиозный проект «Древо жизни». Уехал Савка Крамаров, одержимый внезапно прорезавшимся религиозным чувством. Уехал гениальный Боря Сичкин, пытаясь избежать тюрьмы за левые концерты. Уехал диссидентствующий поэт Купершток, в одном из стихотворений гордо заявивший:

Наследник Пушкина и Блока,

я — сын еврея Куперштока!..

Уезжали писатели, художники, артисты, музыканты. Причем уезжали не только евреи. Уезжали русские, грузины, молдаване, латыши, доказавшие наличие в себе еврейской крови. Короче, проблема эмиграции широко обсуждалась в творческих кругах. И Маруся все чаще об этом задумывалась.

В эмиграции было что-то нереальное. Что-то, напоминающее идею загробной жизни. То есть можно было попытаться начать все сначала. Избавиться от бремени прошлого.

Творческая жизнь у Маруси не складывалась. Замуж она, по существу, так и не вышла. Многочисленные друзья вызывали у нее зависть или презрение.

У родителей Муся чувствовала себя как в доме престарелых. То есть жила на всем готовом без какой-либо реальной перспективы. Сон, телевизор, дефицитные продукты из распределителя. И женихи — подчиненные Федора Макаровича, которые в основном старались нравиться ему.

Маруся чувствовала: еще три года — и все потеряно навсегда...

Цехновицер так настойчиво говорил о фиктивном, именно фиктивном браке, что Маруся сказала ему:

— Раньше ты любил меня как женщину.

Цехновицер ответил:

— Сейчас я воспринимаю тебя как человека.

Маруся не знала — огорчаться ей или радоваться. И все-таки огорчилась.

Видно, так устроены женщины — не любят они терять поклонников. Даже таких, как Цехновицер...

На словах эмиграция казалась реальностью. На деле — сразу возникало множество проблем.

Что будет с родителями? Что подумают люди? А главное — что она будет делать на Западе?..

В загс пойти с Цехновицером — уже проблема. У жениха, вероятно, и костюма-то соответствующего нет. Не скажешь ведь инспектору, что брак фиктивный...

А потом начались какие-то встречи около синагоги. Какие-то «Памятки для отъезжающих». Какие-то разговоры с иностранными журналистами.

Маруся стала ходить на выставки левой живописи. Перепечатывала на своей «Олимпиаде» запрещенные рассказы Шаламова и Домбровского. Пыталась читать в оригинале Хемингуэя.

Ее родители о чем-то догадывались, но молчали. Пришлось Марусе с ними объясниться.

Как это было — лучше не рассказывать. Тем более что подобные драмы разыгрывались во многих номенклатурных семействах.

Родители обвиняли своих детей в предательстве. Дети презирали родителей за верноподданничество и конформизм.

Взаимные попреки сменялись рыданиями. За оскорблениями следовали поцелуи.

Федор Макарович знал, что должен будет в результате уйти на пенсию. Галина Тимофеевна знала, что с дочкой она больше не увидится.

В октябре Маруся зарегистрировалась с Цехновицером. К Новому году они получили разрешение. Девятого января были в Австрии.

Оказавшись на Западе, Цехновицер сразу изменился. Он стал еврейским патриотом, гордым, мудрым и немного заносчивым. Он встречался с представителями ХИАСа, носил шестиконечную анодированную звезду и мечтал жениться на еврейке.

Условия фиктивного брака Цехновицер добросовестно выполнил. Увез жену на Запад. Зато Маруся оплатила все расходы и даже купила ему чемодан.

Вскоре им предстояло расстаться. Цехновицер улетал в Израиль. Маруся должна была получить американскую визу.

Маруся говорила:

— Как ты будешь жить в Израиле? Ведь там одни евреи!

— Ничего, — отвечал Цехновицер, — привыкну..

Марусе было грустно расставаться с Цехновицером. Ведь он был единственным человеком из прошлой жизни.

Маруся испытывала что-то вроде любви к этому гордому, заносчивому, агрессивному неудачнику. Ведь что-то было между ними. А если было, то разве существенно — плохое или хорошее? И если было, то куда оно, в сущности, могло деваться?..

В аэропорт Маруся не поехала. У маленького Левушки третий день болело горло.

Маруся из окна наблюдала, как Цехновицер садится в автобус. Он казался таким неуклюжим под бременем великих идей. Его походка была решительной, как у избалованного слепого.

Через неделю Левушке благополучно вырезали гланды. Отвезла его в госпиталь миссис Кук из Толстовского фонда. Виза к этому моменту уже была получена.

Еще через шестнадцать дней Маруся приземлилась в аэропорту имени Кеннеди. В руках у нее был пакет с кукурузными чипсами. Рядом вяло топтался невыспавшийся Лева. Увидев двух негров, он громко расплакался. Маруся говорила ему:

— Левка, заткнись!

И добавляла:

— Голос — в точности как у папаши...

После кораблекрушения

В аэропорту Марусю поджидали Лора с Фимой. Лора была ее двоюродной сестрой по матери. Лорина мама — тетя Надя — работала простым корректором. Муж ее — дядя Савелий — преподавал физкультуру.

Лора носила фамилию отца — Мелиндер.

Татаровичи не презирали Мелиндеров. Иногда они брали Лору на дачу. Изредка сами ездили в Дергачево. Маруся дарила сестре платья и кофты. При этом говорилось:

— Синюю кофту бери, а зеленую я еще поношу...

Марусе и в голову не приходило, что Лора обижается.

В общем, сестры не дружили. Маруся была красивая и легкомысленная. Лора — начитанная и тихая. Ее печальное лицо считалось библейским.

Марусина жизнь протекала шумно и весело. Лорино существование было размеренным и унылым.

Маруся жаловалась:

— Все мужики такие нахальные!

Лора холодно приподнимала брови:

— Мои, например, знакомые ведут себя корректно.

И слышала в ответ:

— Нашла чем хвастать!..

Татаровичи не избегали Мелиндеров. Просто Мелиндеры были из другого социального круга. В старину это называлось — бедные родственники. Так что сестры виделись довольно редко.

Муся от кого-то слышала, что Лора вышла замуж. Что муж ее — аспирант по имени Фима. Но познакомиться с Фимой ей довелось лишь в Америке...

Эмиграция была для Лоры и Фимы свадебным путешествием. Они решили поселиться в Нью-Йорке. Через год довольно сносно заговорили по-английски. Фима записался на курсы бухгалтеров, Лора поступила в ученицы к маникюрше.

Дела у них шли прекрасно. Через несколько месяцев оба получили работу. Фима устроился в богатую текстильную корпорацию. Лора трудилась в парикмахерской с американской клиентурой. Она говорила:

— Русских мы практически не обслуживаем. Для этого у нас слишком высокие цены.

Лора зарабатывала пятнадцать тысяч в год. Фима — вдвое больше.

Вскоре они купили собственный дом. Это был маленький кирпичный домик в Форест-Хиллсе. Жилье в этом районе стоило тогда не очень дорого. Жили здесь в основном корейцы, индусы, арабы. Фима говорил:

— С русскими мы практически не общаемся...

Фима и Лора полюбили свой дом. Фима собственными руками починил водопровод и крышу. Затем электрифицировал гараж. Лора тем временем покупала занавески и керамическую утварь.

Дом был уютный, красивый и сравнительно недорогой. Журналист Зарецкий, с которым Лора познакомилась в ХИАСе, называл его «мавзолеем». Старик явно завидовал чужому благополучию...

Лора и Фима были молодой счастливой парой. Счастье было для них естественно и органично, как здоровье. Им казалось, что всяческие неприятности — удел больных людей.

Лора и Фима слышали, что некоторым эмигрантам живется плохо. Вероятно, это были нездоровые люди с паршивыми характерами. Вроде журналиста Зарецкого.

Лора и Фима жили дружно. Они жили так хорошо, что Лора иногда восклицала:

— Фимка, я так счастлива!

Они жили так хорошо, что даже придумывали себе маленькие неприятности. Вечером Фима, хмурясь, говорил:

— Знаешь, утром я чуть не сбил велосипедиста.

Лора делала испуганные глаза:

— Будь осторожнее. Прошу тебя — будь осторожнее.

— Не беспокойся, Лорик, у меня прекрасная реакция!

— А у велосипедиста? — спрашивала Лора...

Бывало, что Фима являлся домой с виноватым лицом.

— Ты расстроен, — спрашивала Лора, — в чем дело?

— А ты не будешь сердиться?

— Говори, а то я заплачу.

— Поклянись, что не будешь сердиться.

— Говори.

— Только не сердись. Я купил тебе итальянские сапожки.

— Ненормальный! Мы же договорились, что будем экономить. Покажи...

— Мне страшно захотелось. И цвет оригинальный... Такой коричневый...

В субботнее утро Фима и Лора долго завтракали. Потом ходили в

магазин. Потом смотрели телевизор. Потом уснули на веранде. Потом раздался звонок. Это была телеграмма из Вены. Маруся прилетала наутро, рейсом 264. К семи тридцати нужно было ехать в аэропорт.

Встретили ее радушно. Засиделись в первую же ночь до трех часов. Ребенок спал. Телевизор был выключен. Фима готовил коктейли. Маруся и Лора сначала устроились на ковре. Лора сказала: «Так принято».

Затем они все-таки перешли на диван.

Лора в десятый раз спрашивала:

— Зачем ты уехала, да еще с малолетним ребенком?

— Не знаю... Так вышло.

— Понятно, когда уезжают диссиденты, евреи или, например, уголовники...

— У меня было плохое настроение.

— То есть?

— Мне показалось, что все уже было...

Маруся хотела, чтобы ее понимали. Хотя сама она не понимала многого.

— У тебя действительно все было — развлечения, поклонники, наряды... А ты вдруг — раз и уезжаешь.

— Мне сон приснился.

— Например?

— Вроде бы у меня появляются крылья. А дальше — как будто я пролетаю над городом и тушу все электрические лампочки.

— Лампочки? — заинтересовался Фима. — Ясно. По Фрейду — это сексуальная неудовлетворенность. Лампочки символизируют пенис.

— А крылья?

— Крылья, — ответил Фима, — тоже символизируют пенис.

Маруся говорит:

— Я смотрю, ваш Фрейд не хуже Разудалова. Одни гулянки на уме...

— И все же, — спрашивала Лора, — почему ты уехала? Политика тебя не волновала. Материально ты была устроена. От антисемитизма страдать не могла...

— Этого мне только не хватало!

— Так в чем же дело?

— Да ни в чем. Уехала, и все. Тебя хотела повидать... И Фиму...

Играла радиолы. Уютно звякал лед в стаканах. Пахло горячим хлебом из тостера. За окнами стояла мгла.

Ночью все проголодались. Лора сказала:

— Фимуля, принеси нам кейк из холодильника...

Лоре было приятно, что дом хорошо и небрежно обставлен. Что на стенах литографии Шемякина, а в холодильнике есть торт. Что в гараже стоит японская машина, а шкафы набиты добротной одеждой.

Лора еще днем говорила мужу:

— Пусть живет. Пусть остается здесь сколько угодно... Не хочу я ей мстить за обиды, пережитые в юности. Не хочу демонстрировать своего превосходства... Мы будем выше этого. Ответим ей добром на зло... О чем ты думаешь?..

— Я думаю — как хорошо, что у меня есть ты!

— А у меня — соответственно — ты!..

Лора подарила Марусе свитер и домашние туфли. Маруся их даже не примерила.

Лора предоставила Марусе с ребенком отдельную комнату. Маруся Лору даже не поблагодарила.

Лора предложила ей: «Бери из холодильника все, что тебе захочется». Но Маруся в основном довольствовалась картофельными чипсами.

Театры Марусю не интересовали. В магазинах она разглядывала только детские игрушки. Ночной Бродвей показался ей шумным и грязным.

Так прошла неделя.

В субботу появился гость, Джи Кей Эплбаум, развязный и шумный толстяк. Он был менеджером в корпорации, где работал Фима. Вчетвером они жарили сосиски у заднего крыльца и пили «Бадвайзер».

На этот раз Джи Кей пришел один. До этого, сказала Лора, он приводил невесту — Карен Роуч.

На вопрос: «Где Карен?» — менеджер ответил:

— Она меня бросила. Я был в отчаянии. Затем купил себе новую машину и поменял жилье. Теперь я счастлив...

Эплбауму понравилась Маруся. Он захотел учиться русскому языку. Маруся спела ему несколько частушек. Например, такую: «Строят мощную ракету, посылают на Луну. Я хочу в ракету эту посадить мою жену...» Фима перевел.

Когда Эплбаум попрощался и уехал, Маруся сказала:

— По-моему, он дурак!

Лора возмутилась:

— Просто Джи Кей — типичный американец со здоровыми нервами. Если русские вечно страдают и жалуются, то американцы устроены по-другому. Большинство из них — принципиальные оптимисты...

Лора объясняла Мусе:

— Америка любит сильных, красивых и нахальных. Это страна деловых, целеустремленных людей. Неудачников американцы дружно презируют. Рассчитывать здесь можно только лишь на одного себя...

— В Америке, — брал слово Фима, — нужно ежедневно переодеваться. Как-то я забыл переодеться, и Эплбаум спросил меня: «Ты где ночевал, дружище?!»

Днем Маруся возилась с Левушкой. Хлопот особых не было. Тем более что вместо пеленок Маруся использовала удобные и недорогие дайперсы.

Эти самые дайперсы — первое, что Маруся оценила на Западе. Кроме того, ей нравились чипсы, фисташки и разноцветная бумажная посуда. Поел и выбросил...

Муся испытывала беспокойство. Ей надо было срочно искать работу. Тем более что Левушку определили в детский сад.

Сначала он плакал. Через неделю заговорил по-английски.

А Маруся все думала, чем бы заняться. В Союзе она была интеллигентом широкого профиля. Работать могла где угодно. От министерства культуры до районной газеты.

А здесь? Кино, телевидение, радио, пресса? Всюду, как минимум, нужен английский язык.

Программистом ей быть не хотелось. Медсестрой или няней — тем более. Ее одинаково раздражали цифры, чужие болезни и посторонние дети.

Ее внимание привлекла реклама ювелирных курсов. В принципе это имело отношение к драгоценностям. А в драгоценностях Маруся разбиралась.

Ювелирные курсы занимали весь третий этаж мрачноватого блочного дома на Четырнадцатой улице. Руководил ими мистер Хигби, человек с наружностью умеренно выпивающего офицера. Он сказал Марусе через переводчика:

— Я десять лет учился живописи, а стал несчастным ювелиром. Разве это жизнь?!

Переводчиком у него работал эмигрант из Борисполя — Леня. В будущем Леня собирался открыть магазин ювелирных изделий. Он говорил:

— На этом я всегда заработаю свою трудовую копейку...

Всех учащихся разбили на группы. Каждому выдали набор инструментов. У каждого на столе была паяльная лампа, тиски и штатив.

В углу постоянно гудел никелированный кипятильник. Рядом

возвышался дубовый стеллаж. Там в специальных коробках хранились работы бывших учащихся. Они показались Марусе безвкусными. Какой-то Барри Льюис выковал из серебра миниатюрный детородный орган...

В каждой группе был преподаватель. Марусе достался пан Венчислав Глинский, беженец из Кракова. Он целыми днями курил, роняя пепел себе на брюки.

Занятий фактически не было. Каждый делал все, что ему хотелось. Одни паяли, другие сверлили, третьи вырезали фигурки из жести.

Среди учащихся было несколько чернокожих. Они часами слушали музыку, покачиваясь на табуретках. Возле каждого на полу стоял транзистор. Иногда Маруся ощущала странный запах. Переводчик Леня объяснил ей, что это марихуана.

Марусиным соседом был китаец, тихий и приветливый. Он скручивал из медной проволоки тонкую косичку. Маруся занялась тем же самым.

Потом она вырезала из жести букву М. Обработала напильником края. Прodelала специальное отверстие для цепочки. Вроде бы получился кулон. Китаец взглянул и одобрительно помахал ей рукой.

У Маруси за спиной остановился пан Венчислав. Несколько секунд он молчал, затем отдельно выговорил:

— Прима!

И уронил Марусе на рукав бесцветный столбик пепла...

В четверг Маруся получила семьдесят три доллара. Что-то вроде стипендии. На эти деньги она купила Левушке заводной мотоцикл, сестре — цветы, а Фиме — полгаллона виски. Оставшиеся сорок долларов предназначались на хозяйство.

Лора брать деньги не хотела. Маруся настаивала:

— Я же вам и так должна большую сумму.

— Заработаешь, — говорил Фима, — отдашь с процентами...

Рано утром Маруся бежала к остановке сабвея. Дальше — около часа в грохочущем, страшном подземном Нью-Йорке. Ежедневная порция страха.

Нью-Йорк был для Маруси происшествием, концертом, зрелищем. Городом он стал лишь месяц или два спустя. Постепенно из хаоса начали выступать фигуры, краски, звуки. Шумный торговый перекресток вдруг распался на овощную лавку, кафетерий, страховое агентство и деликатесный магазин. Черда автомобилей на бульваре превратилась в стоянку такси. Запах горячего хлеба стал неотделим от пестрой вывески «Бекери». Образовалась связь между толпой ребятишек и кирпичной двухэтажной школой...

Нью-Йорк внушал Марусе чувство раздражения и страха. Ей хотелось быть такой же небрежной, уверенной, ловкой, как чернокожие юноши в рваных фуфайках или старухи под зонтиками. Ей хотелось достичь равнодушия к шуму транзисторов и аммиачному зловонию сабвея. Ей хотелось возненавидеть этот город так просто и уверенно, как можно ненавидеть лишь одну себя...

Маруся завидовала детям, нищим, полисменам — всем, кто ощущал себя частью этого города. Она завидовала даже пану Глинскому, который спал в метро и не боялся черных хулиганов. Он говорил, что коммунисты в десять раз страшнее...

От метро до ювелирных курсов — триста восемьдесят пять шагов. Иногда, если Маруся почти бежит, триста восемьдесят. Триста восемьдесят шагов сквозь разноцветную, праздную, горланящую толпу. В облаках бензиновой гари, табачного дыма и запаха уличных жаровен. Мимо захламленных тротуаров и ослепительных безвкусных витрин. Под крики лотошников, вой автомобильных сирен и нескончаемый барабанный грохот...

Ежедневная порция страха и неуверенности...

Занятия на ювелирных курсах прекратились в среду.

Сначала все шло нормально. Муся раскалила на огне латунную пластинку. Держа ее щипцами, потянулась за канифолью. Пластинка выскользнула, описала дугу, а затем бесследно исчезла. Вскоре из голенища Марусиного лакированного сапога потянулся дымок.

Еще через секунду Марусин крик заглушил пронзительные вопли транзисторов. Застежка-молния конечно же не поддавалась. Окружающие не понимали, в чем дело.

Все это могло довольно плохо кончиться, если бы не Шустер.

Шустер работал на курсах уборщиком. До эмиграции тренировал молодежную сборную Риги по боксу. Лет в пятьдесят сохранял динамизм, рельефную мускулатуру и некоторую агрессивность. Его раздражали чернокожие.

Целыми днями Шустер занимался уборкой. Он выметал мусор, наполнял кипятильник, перетаскивал стулья. Когда он приближался со шваброй, учащиеся вставали, чтобы не мешать. Все, кроме чернокожих.

Черные юноши продолжали курить и раскачиваться на табуретках. Всякое рвение было им органически чуждо.

Шустер ждал минуту. Затем подходил ближе, отставлял швабру и на странном языке угрожающе выкрикивал:

— Ап, блядь!..

Его лицо покрывалось нежным и страшным румянцем:

— Я кому-то сказал — ап, блядь!

И еще через секунду:

— Я кого-то в последний раз спрашиваю — ап?! Или не ап?!

Черные ребята нехотя поднимались, бормоча:

— О'кей! О'кей...

— Понимают, — радовался Шустер, — хоть и с юга...

Так вот, когда Маруся закричала, появился Шустер. Мигом сориентировавшись, он достал из заднего кармана фляжку бренди. Потом без колебаний опорожнил ее в Марусин лакированный сапог. Все услышали медленно затихающее шипение.

Тот же Шустер разорвал заклинившую молнию.

Маруся тихо плакала.

— Покажите ногу доктору, — сказал ей Шустер, — тут как раз за углом городская больница.

— Покажите мне, — заинтересовался, откуда-то возникнув, Глинский.

Но Шустер оттеснил его плечом.

Врач, осмотрев Марусю, разрешил ей покинуть занятия. Маруся, хромя, уехала домой и решила не возвращаться...

Фима с Лорой отнеслись к ее решению нормально, даже благородно.

Лора сказала:

— Крыша над головой у тебя есть. Голодной ты не останешься. Так что не суетись и занимайся английским. Что-нибудь подвернется.

Фима добавил:

— Какой из тебя ювелир! Ты сама у нас золото!

— Вот только пробы негде ставить, — засмеялась Маруся...

Так она стала домохозяйкой.

Утром Фима с Лорой торопились на работу. Фима ехал на своей машине. Лора бежала к остановке автобуса.

Сначала Маруся пыталась готовить им завтраки. Потом стало ясно, что это не требуется. Фима выпивал чашку растворимого кофе, а Лора на ходу съедала яблоко.

Просыпалась Маруся в десятом часу. Левушка к этому времени сидел у телевизора. На завтрак ему полагалась горсть кукурузных хлопьев с молоком.

Затем они шли в детский сад. Вернувшись, Маруся долго перелистывала русскую газету. Внимательно читала объявления.

В Манхэттене открывались курсы дамских парикмахеров. Страховая

компания набирала молодых честолюбивых агентов. Русскому ночному клубу требовались официантки, предпочтительно мужчины. Так и было напечатано — «официантки, предпочтительно мужчины».

Все это было реально, но малопривлекательно. Кого-то стричь? Кого-то страховать? Кому-то подавать закуски?..

Попадались и такие объявления:

«Хорошо устроенный джентльмен мечтает познакомиться с интеллигентной женщиной любого возраста. Желательно фото».

Ниже примечание мелким шрифтом: «Только не из Харбина».

Что значит — только не из Харбина, удивлялась Маруся, как это понимать? Чем ему досадил этот несчастный Харбин? А может быть, он сам как раз из Харбина? Может, весь Харбин его знает как последнего жулика и афериста?..

Хорошо устроенный джентльмен ищет женщину любого возраста... Желательно фото...

Зачем ему фото, думала Маруся, только расстраиваться?..

Днем она ходила в магазин, стирала и пыталась заниматься английским. В три забирала Левушку. К шести возвращались Фима и Лора. Вечера проходили у телевизора за бокалом коктейля.

По субботам они ездили в город. Бродили по музеям. Обедали в японских ресторанах. Посмотрели музыкальную комедию с Юлом Бриннером.

Так прошел сентябрь, наступила осень. Хотя на газонах еще зеленела трава и днем было жарко, как в мае...

Маруся все чаще задумывалась о будущем.

Сколько можно зависеть от Лоры? Сколько можно есть чужой хлеб? Сколько можно жить под чужой крышей? Короче, сколько все это может продолжаться?..

Маруся чувствовала себя, как на даче у родственников. Рано или поздно надо будет возвращаться домой.

Но куда?

А пока что Маруся была сыта и здорова. Одежды у нее хватало. Деньги на хозяйство лежали в коробке из-под торта. Не жизнь, а санаторий для партийных работников. Стоило ли ради этого ехать в такую даль?..

В общем, чувство тревоги с каждым днем нарастало...

Однажды Маруся написала такое письмо родителям:

«Дорогие мама и папа!

Представляю себе, как вы меня ругаете, и зря. Дело в том, что

абсолютно нечего писать. Ну абсолютно.

Лазька улетел на свою историческую родину, где одни, пардон, евреи. Но он говорит — ничего, мол, пробьемся.

Что еще сказать?

Вена — тихий городок на берегу реки. Все говорили тут — Донау, Донау... Оказывается — река Дунай и больше ничего.

Вроде бы имеется оперный театр. Хотя я его что-то не заметила.

Люди одеты похуже, чем в Доме кино. Однако получше, чем в Доме науки и техники.

В Австрии мы жили три недели. Почти не выходили из гостиницы. У входа дежурили эти самые, которые не просто, а за деньги. В общем, ясно. У одной была совершенно голая жэ. Папка бы ахнул. В этом плане свободы больше чем достаточно.

Леве из вещей купила носки шерстяные и джемпер. Себе ничего.

В Америку летели около семи часов. В самолете нам показывали кино. Вы думаете — какое? В жизни не догадаетесь. „Великолепная семерка“. Стоило ли ехать в такую даль?

Поселилась я у Лоры с Фимой. Левка ходит в детский сад. А я все думаю, чем бы мне заняться.

Свободы здесь еще больше, чем в Австрии. В специальных магазинах продаются каучуковые органы. Вы понимаете? Мамуля бы сейчас же в обморок упала.

Чернокожих в Америке давно уже не линчуют. Теперь здесь все наоборот. Короче, я еще не сориентировалась. Скоро напишу. И вы пишете.

Обнимаю. Ваша несознательная дочь Мария».

Таланты и поклонники

Как-то раз появился Зарецкий. Узнав, что хозяев нет дома, выразил смущение:

— Простите, что врываюсь без звонка.

— Ничего, — ответила Маруся, — только я в халате...

Через минуту он пил кофе с бело-розовым зефиром. Сахарная пудра оседала на тщательно выглаженных кримпленовых брюках...

Зарецкий любил культуру и женщин. Культура была для него источником заработка, а женщины — предметом вдохновения. То есть культурой он занимался из прагматических соображений, а женщинами — бескорыстно. Идея бескорыстия подчеркивалась явным сексуальным неуспехом.

Дело в том, что Зарецкого раздирали противоречивые страсти. Он добивался женщин, но при этом всячески их унижал. Его изысканные комплименты перемежались оскорблениями. Шаловливые заигрывания уступали место взволнованным нравственным проповедям. Зарецкий горячо взывал к морали, тотчас же побуждая ее нарушить. Кроме того, он был немолод. Самолеты называл аэропланами, как до войны...

Он ел зефир, пил кофе и любовался Марусиными ногами. Полы ее халата волнующе разлетались. Две верхние пуговицы ночной сорочки были расстегнуты.

Зарецкий поинтересовался:

— Чем изволите зарабатывать на пропитание?

— Я еще не работаю, — ответила Маруся.

— А чем, ежели не секрет, планируете заниматься в будущем?

— Не знаю. Я, вообще-то, музработник.

— С вашими данными я бы подумал о Голливуде.

— Там своих хватает. А главное — им уж больно тощие нужны.

— Я поговорю с друзьями, — обещал Зарецкий.

Потом он сказал:

— У меня к вам дело. Я заканчиваю работу над книгой «Секс при тоталитаризме». В этой связи мной опрошено более четырехсот женщин. Их возраст колеблется от шестнадцати до пятидесяти семи лет. Данные обработаны и приведены в систему. Короче — я буду задавать вопросы. Отвечайте просто и без ложной застенчивости. Думаю, вы понимаете, что это — сугубо научное исследование. Мещанские предрассудки здесь

неуместны. Садитесь.

Зарецкий вытащил портфель. Достал оттуда магнитофон, блокнот и авторучку. Корпус магнитофона был перетянут изоляционной лентой.

— Внимание, — сказал Зарецкий, — начали.

Он скороговоркой произнес в микрофон:

— Объект четыреста тридцать девять. Шестнадцатое апреля восемьдесят пятого года. Форест-Хиллс, Нью-Йорк, Соединенные Штаты Америки. Беседу ведет Натан Зарецкий.

И дальше, повернувшись к Марусе:

— Сколько вам лет?

— Тридцать четыре.

— Замужем?

— В разводе.

— Имели половые сношения до брака?

— До брака?

— Иными словами — когда подверглись дефлорации?

— Чему?

— Когда потеряли невинность?

— А-а... Мне слышалось — декларация...

Маруся слегка покраснелась. Зарецкий внушал ей страх и уважение. Вдруг он сочтет ее мещанкой?

— Не помню, — сказала Маруся.

— Что — не помню?

— До или после. Скорее все-таки — до.

— До или после чего?

— Вы спросили — до или после замужества.

— Так до или после?

— Мне кажется — до.

— До или после венгерских событий?

— Что значит — венгерские события?

— До или после разоблачения культа личности?

— Вроде бы после.

— Точнее?

— После.

— Хорошо. Вы занимаетесь мастурбацией?

— Раз в месяц, как положено.

— Что — как положено?

— Ну, это... Женские дела...

— Я спрашиваю о мастурбации.

— О Господи! — сказала Маруся.

Что-то мешало ей остановить или даже выпроводить Зарецкого. Что-то заставляло ее смущенно бормотать:

— Не знаю... Может быть... Пожалуй...

С нарастающим воодушевлением Зарецкий говорил:

— Отбросить ложный стыд! Забыть о ханжеской морали! Человеческая плоть священна! Советская власть лишает человека естественных радостей! Климакс при тоталитаризме наступает значительно раньше, чем в демократических странах!..

Маруся кивала:

— Еще бы...

Зарецкий вдруг совсем преобразился. Начал как-то странно шевелить плечами, обтянутыми лиловой бобочкой. Вдруг перешел на звучный шепот. Задыхаясь, говорил:

— О Маша! Ты — как сама Россия! Оскверненная монголами, изнасилованная большевиками, ты чудом сохранила девственность!.. О,пусти меня в свою зеленую долину!

Зарецкий двинулся вперед. От его кримпленовых штанов летели искры. Глаза сверкали наподобие хирургических юпитеров. Магнитофон затих, тихонько щелкнув.

— О, дай мне власть, — шептал Зарецкий, — и я тебя прославлю!

Маруся на секунду задумалась. Пользы от этого болтливого старика — не много. Радости — еще меньше. К тому же надо спешить за ребенком.

Зарецкий положил ей руки на талию. Это напоминало приглашение к старомодному бальному танцу.

Маруся отступила. Ученый человек, и так себя ведет. А главное, пора идти за Левой...

Зарецкий был опытным ловеласом. Его тактические приемы заключались в следующем. Первое — засидеться до глубокой ночи. Обнаружить, что автобусы не ходят. Брать такси — дороговато... Далее — «Разрешите мне посидеть в этом кресле?» Или — «Можно я лягу рядом чисто по-товарищески?..» Затем он начинал дрожать и вскрикивать. Оттолкнуть его в подобных случаях у женщин не хватало духа. Неудовлетворенная страсть могла обернуться психическим расстройством. И более того — разрывом сердца.

Зарецкий плакал и скандалил. Угрожал и требовал. Он клялся женщинам в любви. К тому же предлагал им заняться совместной научной работой. Порой ему уступали даже самые несговорчивые.

Так бывало ночью. В свете дня приемы часто оказывались

недействительными.

Маруся сказала:

— Я скоро приду.

Через минуту появилась, одетая в строгий бежевый костюмчик.

Зарецкий, хмурясь, уложил магнитофон в портфель. Затем таинственно и мрачно произнес:

— Ты — сфинкс, Мария!

— Почему же свинство?! — рассердилась Муся. — Это что еще за новости! А если я люблю другого?

Зарецкий саркастически расхохотался, взял жетон на метро и ушел.

С этого дня Марусе уже не было покоя. Женихи и ухажеры потянулись вереницей.

Видимо, свободная женщина распространяет какие-то особенные флюиды. Красивая — тем более.

Мужчины заговаривали с ней всюду, где она появлялась. В магазинах, на автобусной стоянке, перед домом, около газетного киоска. Иногда американцы, чаще — соотечественники.

Они звонили ей по телефону. Являлись в дом с какими-то непонятными предложениями. Даже посылали ей открытки в стихах. Например, диссидент Караваев прислал ей такое стихотворение:

«Марусь! Ты любишь Русь?!»

С Караваевым Маруся познакомилась в аптеке. Он пригласил ее на демонстрацию в защиту Сахарова. Маруся сказала:

— С кем я оставлю ребенка?

Караваев рассердился:

— Если каждый будет заботиться только о своих детях, Россия погибнет.

Маруся возразила:

— Наоборот. Если каждый позаботится о своем ребенке, все будет хорошо.

Караваев сказал:

— Вы — типичная эмигрантка, развращенная Западом. Думаете только о себе.

Маруся задумалась. «Один говорит — сама Россия, изнасилованная большевиками. Другой — эмиграция, развращенная Западом. Кто же я на самом-то деле?..»

Караваев предложил ей сообща вести борьбу за новую Россию. Маруся отказалась.

Издатель Друкер тоже призывал ее к борьбе. Но — за единство эмиграции.

Он говорил:

— Нас мало. Мы разобщены и одиноки. Мы должны объединиться на почве русской культуры.

Друкер пригласил Марусю в свое захламленное жилище. Показал десяток редких книг с автографами Георгия Иванова, Набокова, Ходасевича. Преподнес ей злополучного «Фейхтвагнера». И вновь заговорил насчет единства:

— Нас объединяет многое. Язык, культура, образ мыслей, историческое прошлое...

Марусе было не до этого. Объединение с Друкером не разрешало ее жизненных проблем. Интересовало Марусю главным образом не прошлое, а будущее. Она предложила:

— Будем друзьями.

Друкер, криво улыбаясь, согласился.

А вот таксисты действовали более решительно. Перцович говорил ей:

— Летим во Флориду, о'кей? Беру на себя дорогу, гостиницу и развлечения, о'кей? Покупаю модельные туфли, о'кей?

— Но у меня ребенок.

— Это не моя забота, о'кей?

— Я подумаю...

Еселевский вел себя поскромнее. Действовал с меньшим размахом. Предложил ей дешевый мотель на Лонг-Айленде. А вместо туфель — развесной шоколад из деликатесного магазина.

Будучи отвергнут, Еселевский не расстроился. Кажется, даже вздохнул с облегчением...

Лучше всех повел себя Баранов. Оказался самым благородным. Он сказал:

— Я зарабатываю долларов семьсот в неделю. Двести из них систематически пропиваю. Хотите, буду отдавать вам сотню. Просто так. Мне это даже выгодно. Пить буду меньше.

— Это неудобно, — сказала Маруся.

— Чего тут неудобного, — удивился Баранов, — деньги есть... И не подумайте худого. Женщины меня давно уже не интересуют. Лет двадцать пять назад я колебался между женщинами и алкоголем. С этим покончено.

В упорной борьбе победил алкоголь.

— Я подумаю, — сказала Маруся.

Евсей Рубинчик тоже предложил содействие. И тоже бескорыстно. Обещал ей временную работу. Он спросил:

— Вы рисуете?

— Смотря что, — ответила Маруся.

Рубинчик пояснил:

— Надо ретушировать цветные фотографии.

— Как это — ретушировать?

— Подкрасить губы, щеки... В общем, чтобы клиенты были довольны.

Маруся подумала — дело знакомое.

— А сколько мне будут платить?

— Три доллара в час.

Рубинчик обещал позвонить.

Религиозный деятель Лемкус тоже заинтересовался Марусей. Сначала он подарил ей Библию на английском языке. Затем сказал, что Бог предпочитает неустроенных и одиноких. Наконец, пообещал хорошие условия в иной, загробной жизни.

— Когда это будет! — вздыхала Маруся.

— На то Господня воля, — опускал ресницы Лемкус.

Он же любил повторять, что деньги — зло.

— Особенно те, — соглашалась Маруся, — которых нет...

Хозяин магазина «Днепр» Зяма Пивоваров иногда шептал ей:

— Получены свежие булочки. Точная копия — вы...

Торговец недвижимостью Лернер приглашал:

— Поедем как-нибудь в Атлантик-Сити. Выиграешь тысяч двадцать.

Реализовать свою идею Лернеру пока не удавалось. Он ленился даже записать Марусин телефон.

Так пролетело месяца четыре. Дни тянулись одинаковые, как мешки из супермаркета...

Те же и Гонзалес

К этому времени я уже года полтора был натурализованным американцем. Жил в основном на литературные заработки. Книги мои издавались в хороших переводах. Не случайно один мой коллега любил повторять:

— Довлатов явно проигрывает в оригинале...

Рецензенты мною восхищались, называли советским Керуаком, упоминая попутно Достоевского, Чехова, Гоголя.

В одной из рецензий говорилось:

«Персонажи Довлатова горят значительно ярче, чем у Солженицына, но в куда более легкомысленном аду».

Рецензии меня почти не интересовали. К тому, что пишут обо мне, я совершенно равнодушен. Я обижаюсь, когда не пишут...

И все-таки мои романы продавались слабо. Коммерческого успеха не было. Известно, что американцы предпочитают собственную литературу. Переводные книги здесь довольно редко становятся бестселлерами. Библия — исключительный случай.

Литературный агент говорил мне:

— Напиши об Америке. Возьми какой-нибудь сюжет из американской жизни. Ведь ты живешь здесь много лет.

Он заблуждался. Я жил не в Америке. Я жил в русской колонии. Какие уж тут американские сюжеты!

Взять, например, такую историю. Между прачечной и банком грузин Дариташвили торгует шашлыками. Какая-то женщина выражает ему свои претензии:

— Почему вы дали господину Лернеру большой шашлык, а мне — совсем крошечный?

— Э-э, — машет рукой грузин.

— И все-таки почему?

— Э-э-э, — повторяет грузин.

— Я настаиваю, я буду жаловаться! Я этого так не оставлю! Почему?

Грузин с трагической физиономией воздевает руки к небу:

— Почему? Да потому, что он мне нравится!..

По-моему, это готовый сюжет. Только что в нем американского?..

И вот однажды раздается телефонный звонок. Слышу голос Муси Татарович:

— Принеси мне сигареты. Можешь?
— Что-нибудь случилось?
— Ничего особенного. У меня синяк под глазом. На улицу стесняюсь выйти. Деньги сразу же верну.
— Откуда?
— Тебе какое дело? Шубу продала.
— Я не про деньги говорю. Синяк откуда?
— С Рафкой поругалась.
— Я сейчас приеду...

С Марусей я познакомился за год до этого. В дни знаменитой авантюры с русским телевидением.

Двое бизнесменов, Лелик и Маратик, сняли офис в центре города. Дали объявления в русских газетах. Пообещали установить в каждом доме специальные репродукторы. Короче, взялись дублировать на русский язык передачи американского телевидения.

Затея имела успех, в особенности — среди пенсионеров. Старики охотно высылали деньги. Лелик и Маратик пригласили на работу шестерых сотрудников. Двух секретарш, бухгалтера, охранника, рекламного агента и меня как творческую единицу.

Я дописывал на работе свою книгу «Чемодан». Секретарши целыми днями болтали. Агент вымогал у рекламодателей деньги под несуществующее телевидение. Бухгалтер писал стихи. Охранник, бывший чемпион Молдавии по самбо, то и дело ходил за выпивкой.

Охрана предназначалась Лелику с Маратиком. На случай появления обманутых клиентов.

Одной из секретарш была Маруся Татарович.

Она мне сразу же понравилась — высокая, нарядная и какая-то беспомощная. Бросалась в глаза смесь неуверенности и апломба. Так чаще всего и бывает.

Я быстро понял, что она не создана для коллектива. Вот, например, характерный случай.

У второй секретарши был муж. Он подарил жене браслет на именины. Та захватила его на работу — похвастать. Маруся повертела его в руках и говорит:

— Какая прелесть! У меня в Союзе был такой же. Только платиновый...

После этого секретарша ее возненавидела...

Маруся слишком часто вспоминала о своих утраченных номенклатурных привилегиях. Слишком охотно рассказывала про своего

знаменитого мужа. Чересчур размашисто бросала на диван ондатровую шубу.

Коллектив предпочитает, чтобы люди в ее обстоятельствах держались поскромнее.

Раза три я подолгу беседовал с Марусей за чашкой кофе. Она рассказала мне всю свою довольно-таки нелепую историю. В какой-то степени мы подружились. Я люблю таких — отпетых, погибающих, беспомощных и нахальных. Я всегда повторял: кто бедствует, тот не грешит...

— Плохо, — говорила Маруся, — что вы женаты. Мы бы поладили... А главное, ваша жена — потрясающе интересная дама. Через месяц завела бы себе кого-нибудь получше...

Устроившись на работу, Маруся поторопилась снять квартиру. Деньги она заняла у Лоры. Тогда в нашем районе еще можно было отыскать жилье долларов за четыреста.

Внезапно Лелик и Маратик объявили:

— Первый месяц все работают бесплатно. Это традиция. Ведь мы создаем новую фирму.

Прошло четыре недели. Боссы помалкивали. Если с ними заговаривали о деньгах, переходили на английский язык.

Я понял, что нас обманули. (Старики это поняли еще через месяц.) Зашел к нашим боссам. Сказал им все, что думаю о них. Так, что даже в коридоре было слышно.

Маруся удивилась:

— Я и не подозревала, что вы знаете такие слова.

Короче, телевидение закрылось, не успев родиться. Лелика с Маратиком все еще разыскивают обманутые подписчики.

Исчезновение двух бизнесменов сопровождалось фельетонами в русской прессе. Фельетонисты выражали уверенность, что Лелик и Маратик засланы госбезопасностью. Цель — разложение капиталистической системы изнутри.

Один из фельетонов назывался:

«Крайм родной, навек любимый!...» [\[1\]](#)

Бухгалтер Фалькович сказал:

— Подамся в управдомы.

И действительно, пошел работать супером в Асторию.

Замужняя секретарша улетела к дочке в Торонто. Рекламный агент стал торговать магнитофонными записями. Я вернулся к бедственному, но

родному положению свободного художника. Охранник работает телохранителем у Якова Смирнова. Говорят, Смирнов его побаивается.

Маруся оказалась в пустой квартире и без денег. Раза два я возил ее на своей машине по каким-то учреждениям. Раздобыл ей кое-что из мебели. Подарил наш старый телевизор. Что еще я мог для нее сделать? Не разводиться же мне было по такому случаю!

Иногда мы сталкивались на улице. Глупо было расспрашивать: на что ты живешь? Вероятно, ей удалось добиться какого-то пособия.

Маруся говорила, что Левушка болеет. Что она пытается давать уроки музыки. Предполагает открыть небольшой детский сад.

Я почти не слушал. В таких делах, если начнешь прислушиваться, одно расстройство. Как говорится, беспомощный беспомощному — не помощник...

Тут как раз и появился этот латиноамериканец. Точнее говоря, не появился, а возник. Возник из хаоса чужой, заморской, непонятной жизни.

Что его породило? Однообразная вибрирующая музыка, долетающая из транзисторов? Смешанные запахи пиццерии, косметики и бензиновой гари? Разноцветные огни, плавающие в горячем асфальте? Отблески витрин на бортах проносящихся мимо автомобилей?..

Рафаэль материализовался из общего чувства неустойчивости. Из ощущения праздника, беды, успеха, неудачи, катастрофической феерии.

Маруся не помнила дня их знакомства. Не могла припомнить обстоятельств встречи. Рафаэль возник загадочно и неуклонно, как само явление третьего мира.

Марусе вспоминались лишь черты его давнишнего присутствия. Какие-то улыбки на лестнице. (Возможно, она принимала Рафаэля за человека из домовой хозобслужки.) Какие-то розы, брошенные в ее сторону из потрепанной автомашины. Протянутые Левушке конфеты за четыре цента.

Был запах дорогого одеколona в лифте. Теснота между дверьми. Приподнятая шляпа. Велюровый пиджак, сигара, кремовые брюки. Кольцо с фальшивым бриллиантом. Галстук цвета рухнувшей надежды.

Сначала Рафаэль был для Маруси — улицей, особенностью пейзажа. Принадлежностью данного места наряду с витриной фирмы «Рейнбоу», запахом греческих жаровен или хриплым басом Адриано Челентано.

Сначала Рафаэль был обстоятельством места и времени.

Затем оказалось, что Маруся сидит в его разбитом автомобиле. Что они возвращаются из ресторана «Дель Монико». Что Левушка уснул в

машине. И что рука с фальшивым перстнем гладит Мусину ладонь.

— Ноу, — сказала Муся.

И переложила чью-то руку на горячее сиденье.

— Вай нот? — спросил латиноамериканец.

И ласково потрогал ее округлое колено.

— Ноу, — сказала Муся.

И прикрыла его рукой свою ладонь.

— Вай нот? — спросил латиноамериканец.

И потянулся к вырезу на ее блузке.

— Ноу.

Она переложила его руку на колено.

— Вай нот?

Он положил ей руку на бедро.

— Ноу.

Маруся потянула вверх его ладонь.

— Вай нот?..

Одна его рука возилась с пуговицами на блузке. Вторая с некоторым упорством раздвигала ей колени.

Маруся успела подумать: «Как он ведет машину? Вернее — чем?..»

Автомобиль тем не менее двигался ровно. Только раз они задели борт чужого «мерседеса».

При этом рук своих латиноамериканец так и не убрал. Лишь шевельнул коленями.

— Ты ненормальный, — она старалась говорить погромче, — крейзи!

Рафаэль, не останавливая машины, достал из кармана синий фломастер. Приставил его к своей выпуклой груди, обтянутой нейлоновым джемпером. Быстро нарисовал огромных размеров сердце. И сразу полез целоваться.

Теперь он развернулся к Мусе целиком. Руль поворачивал (как утверждает Муся) своим не очень тощим задом...

Приглашать его домой Маруся не хотела. Она стеснялась пустой квартиры.

Левушка спал в продавленном дерматиновом кресле. Сама Маруся — на погнутой раскладушке. Все это мы когда-то притащили с улицы.

В холодильнике лежали голубоватые куриные ноги. И все. Какие уж тут могут быть гости?!

Затем произошло следующее. Рафаэль откинул багажник. Извлек оттуда свернутый колесом матрас в полиэтиленовом чехле. За ним — бутылку рома, связку пепси-колы, четыре апельсина и галеты.

Матрас был совершенно новый, в упаковке.

К этому времени Маруся перестала удивляться. Она спросила:

— Как тебя зовут? Вот из ер нейм?

В ответ прозвучало:

— Рафаэль Хосе Белинда Чикориллио Гонзалес.

— Коротко и ясно, — сказала Маруся, — буду звать тебя Рафа.

— Рафа, — подтвердил латиноамериканец.

Затем добавил:

— Мусья!

Еду и выпивку он быстро рассовал по карманам. Левушку тащил на плече. Матрас (я лично верю этому!) катился сам.

К тому же свободной рукой латиноамериканец поглаживал Мусю. При этом курил и галантно распахивал двери.

Вдруг Маруся уловила странное потрескивание. Прислушалась. Как выяснилось, это штаны латиноамериканца трещали от напора буйной плоти.

Следует отметить еще и такую подробность. Когда они выходили из лифта, мальчик неожиданно проснулся. Он посмотрел на Рафаэля безумными, как у месячного щенка, глазами и спросил:

— Ты кто? Мой папа?

И что, вы думаете, ответил латиноамериканец? Латиноамериканец ответил:

— Вай нот?

Разговоры

Я сел в автомобиль. Проехал три квартала. Вспомнил, что Маруся просила купить сигареты. Развернулся.

Наконец затормозил около ее подъезда. Может, думаю, гаечный ключ захватить на всякий случай? В качестве орудия самозащиты? Что, если Рафаэль полезет драться?..

Я не трус. Но мы в чужой стране. Языка практически не знаем. В законах ориентируемся слабо. К оружию не привыкли. А тут у каждого второго — пистолет. Если не бомба...

При этом латиноамериканцы, говорят, еще страшнее негров. Те хоть рабами были двести лет, что отразилось соответственно на их ментальности. А эти? Все, как один, здоровые, нахальные и агрессивные...

Драки, конечно, и в Ленинграде бывали. Но обходилось все это без роковых последствий.

Сидели мы, помню, в одной компании. Прозаик Стукалин напился и говорит литературоведу Зайцеву:

— Я сейчас тебе морду набью.

А тот ему отвечает:

— Ни в коем случае, потому что я — толстовец. Я отрицаю всякое насилие. Если ты меня ударишь, я подставлю другую щеку.

Стукалин подумал и говорит:

— Ну и хрен с тобой!..

Мы успокоились. Решили, что драка не состоится. Вышли на балкон.

Вдруг слышим грохот. Бежим обратно в комнату. Видим, Стукалин лежит на полу. А толстовец Зайцев бьет его по физиономии своими огромными кулаками...

Но дома все это происходило как-то безболезненно. А здесь?..

Ну, ладно, думаю, пора идти. Звоню.

Дверь открывает Муся Татарович. Действительно синяк под глазом. К тому же нижняя губа разбита и поцарапан лоб.

— Не смотри, — говорит.

— Я не смотрю. А где он?

— Рафка? Убежал куда-то в расстроенных чувствах.

— Может, — спрашиваю, — в госпиталь тебя отвезти?

— Не стоит. Я все это косметикой замажу.

— Тогда звони в полицию.

— Зачем? Подумаешь, событие — испанец дал кому-то в глаз. Вот если бы он меня зарезал или пристрелил.

— Тогда, — говорю, — можно уже и не звонить.

— Бессмысленно, — повторила Муся.

— Может, посадят его суток на двенадцать? Ради профилактики?

— За что? За драку? В этом сумасшедшем городе Нью-Йорке?! Да здесь в тюрьму попасть куда сложнее, чем на Марс или Юпитер! Для этого здесь надо минимум сто человек угробить. Причем желательно из высшего начальства. Здесь очередь в тюрьму, я думаю, примерно лет на сорок. А ты говоришь — посадят... Главное, не беспокойся. Я все это сейчас подретуширую...

Я огляделся. Марусино жилище уже не казалось таким пустым и заброшенным. В углу я заметил стереоустановку. По бокам от нее стояли два вельветовых кресла. Напротив — диван. У стены — трехколесный велосипед. Занавески на окнах...

Я сказал Марусе:

— Дверь запири как следует.

— Бесполезно. У него есть ключ.

Еще, думаю, не легче...

— Он тебе хоть помогает материально?

— Более или менее. Он вообще-то добрый. Всякое барахло покупает. Особенно для Левки. Испанцы, видно, к маленьким равнодушны.

— И еще — к блондинкам.

— Уж это точно! Рафа в этом смысле — настоящий пионер!

— Не понял?

— Вроде Павлика Морозова. Всегда готов! Одна мечта: поддать — и в койку! Я иногда думаю, не худо бы его к турбине присоединить! Чтобы энергия такая зря не пропадала... А в смысле денег он не жадный. Кино, театры, рестораны — это запросто. Однако на хозяйство сотню дать — жалеет. Или, скорее всего, не догадывается. А мне ведь надо за квартиру платить...

Маруся переделалась, заслонившись кухонной дверью.

— Хочешь кофе?

— Нет, спасибо... Чем он вообще занимается? — спрашиваю.

— Понятия не имею.

— Ну а все-таки?

— Что-то продает. А может, что-то покупает. Вроде бы учился где-то месяц или два... Короче, не Спиноза. Спрашивает, например, меня: «Откуда ты приехала?» — «Из Ленинграда». — «А, говорит, знаю, это в

Польше...» Как-то раз вижу, газету читает. Я даже удивилась — грамотный, и на том спасибо...

Маруся налила себе кофе и продолжала:

— Их здесь целый клан: мамаша, братья, сестры. И все более-менее солидные люди, кроме Рафы. У его маман четыре дома в Бруклине. У одного брата — кар-сервис. У другого — прачечная. А Рафка, в общем-то, не деловой. И деньги его мало беспокоят. Ему лишь бы штаны пореже надевать...

— Ну, хорошо, — говорю, — а все-таки что будет дальше?

— В смысле?

— Каковы перспективы на будущее? Он хочет на тебе жениться?

— Я тебе уже сказала, чего он хочет. Больше ничего. Все остальное — так, издержки производства.

— Значит, никаких гарантий?

— Какие могут быть гарантии? И что тут говорить о будущем? Это в Союзе только и разговоров что о будущем. А здесь — живешь, и ладно...

— Надо же о Левушке подумать.

— Надо. И о себе подумать надо. А замуж выходить совсем не обязательно. Я дважды замужем была, и что хорошего?.. И вот что я тебе скажу. Когда-то мне случалось ездить на гастроли. Жила я там в гостиницах с командированными. Платили им два сорок. Это в сутки. На эти жалкие гроши они должны были существовать. А именно: три раза в день питаться. Плюс сигареты, транспорт, мелкие расходы. Плюс непременно выпить. Да еще и отложить чего-то женам на подарки. Да еще и бабу трахнуть по возможности. И все это на два, пардон, рубля сорок копеек...

— К чему ты это говоришь?

— С тех пор я всех этих командированных упорно ненавижу. Вернее, дико презираю.

Маруся зло прищурилась:

— Ты посмотри вокруг. Я говорю о наших эмигрантах. Они же все — командированные. У каждого в руке — два сорок. Тогда уж лучше Рафаэль с его, что называется, любовью...

Я спросил:

— И у меня в руке — два сорок?

— Допустим, у тебя — четыре восемьдесят... Кстати, я тебе должна за сигареты... Но у большинства — два сорок... Есть тут один из Черновиц, владелец гаража. Жена по медицинской части. Вместе зарабатывают тысяч шестьдесят. Ты знаешь, как он развлекается по вечерам? Залезет в черный

«олдсмобиль» и слушает кассеты Томки Миансаровой. И это — каждый вечер. Я тебе клянусь. Жена на лавочке читает «Панораму» от и до, а Феликс слушает кассеты. Разве это жизнь? Уж лучше полоумный Рафа, чем отечественное быдло.

— Владелец гаража свою жену, я думаю, не избивает.

— Естественно. Не хочет прикасаться лишний раз...

Переодевшись и накрасившись, Маруся явно осмелела. Хотя синяк под слоем грима и косметики заметно выделялся. Да и царапина над бровью производила удручающее впечатление. А вот разбитую губу ей удалось закрасить фиолетовой помадой...

Тут снизу позвонили. Маруся нажала розовую кнопку. Сказала:

— Возвращение Фантомаса...

Затем добавила спокойно:

— Вдруг он к тебе полезет драться? Если что, ты дай ему как следует.

— Ого, — говорю, — вот это интересно! Я-то здесь при чем? Он что, вообще, здоровый?

— Как горилла. Видишь эту лампу?

Я увидел лампочку, свисающую на перекрученном шнуре.

— Ну?

— Он ее вечно задевает, — сказала Муся.

— Подумаешь, — говорю, — я тоже задеваю.

— Ты головой, а он плечом...

Тут снова позвонили. Теперь уже звонок раздался с лестничной площадки. Одновременно повернулся ключ в замке.

Затем в образовавшуюся щель протиснулась громоздкая и странная фигура.

Это был мужчина лет пятидесяти в коричневой футболке с надписью «Хелло!» и узких гимнастических штанах. На голове его белела марлевая повязка. Правая рука лежала в гипсе. Ногу он волочил, как старое ружье.

Я с некоторым облегчением вздохнул. Мужчина явно выглядел не хищником, а жертвой. На лице его застыло выражение страха, горечи и укоризны. В комнате запахло йодом.

— Полюбуйся-ка на это чучело, — сказала Муся.

Увидев меня, Рафа несколько приободрился и заговорил:

— Она меня избила, сэр! За что?.. Сначала она била меня вешалкой. Но вешалка сломалась. Потом она стала бить меня зонтиком. Но и зонтик тоже сломался. После этого она схватила теннисную ракетку. Но и ракетка через какое-то время сломалась. Тогда она укусила меня. Причем моими

собственными зубами. Зубами, которые она вставила на мои деньги. Разве это справедливо?..

Рафа скорбно продолжал:

— Я обратился в госпиталь, пошел к хирургу. Хирург решил, что я был в лапах террористов. Я ответил: «Доктор! Террористы не кусаются! Я был у русской женщины...»

— Заладил, — сказала Муся.

Рафа продолжал:

— Я ее люблю. Я дарю ей цветы. Я говорю ей комплименты. Вожу ее по ресторанам. И что же я слышу в ответ? Она говорит, что я паршивый старый негритос. Она требует денег. Она... Мне больно это говорить, но я скажу. Сегодня она плюнула на моего тигренка...

Я приподнял брови.

— На моего веселого парнишку...

Я не понял.

— Короче, она плюнула на мой восставший член. Не знаю, может быть, в России это принято? Но мне стало обидно...

Я спросил у Муси:

— Что же все-таки произошло?

— Да ничего особенного. Мне понадобились деньги, за квартиру уплатить. А он говорит — нету. Тебе, говорит, вечно нужны деньги. А я говорю, ты ничтожество. Я десять лет была женой великого артиста, русского Синатры. Ты ему ботинки чистить не достоин. Ты, говорю, паршивый черномазый сифилитик. А он говорит — я тебя люблю. Смотри, как я тебя люблю. И вдруг, ты понимаешь, стаскивает брюки. А я говорю — плевать мне на твоё сокровище. И плюнула ему на это дело. А он мне говорит — ты сука. А я беру пластмассовую вешалку... И в результате происходит драка...

— Учтите, — вставил Рафаэль, — я не сопротивлялся. Я только закрывал лицо. Она меня загнала в угол. И я был вынужден ее толкнуть...

Рафаэль производил впечатление скромного и незлобивого человека. Вызывал если не жалость, то сочувствие. Застенчиво присел на край дивана.

Я сказал Марусе:

— Думаю, вам надо помириться.

И еще:

— Предложи ты ему чашку кофе.

— Я бы предпочел стаканчик рома.

— Еще чего?! — сказала Муся.

Тем не менее вытащила из холодильника плоскую бутылку.

Образовалась довольно странная компания. Женщина с подбитым глазом. Изувеченный ею латиноамериканец. И я, неизвестно почему здесь оказавшийся. А в центре — начатая бутылка рома.

Маруся говорила Рафаэлю:

— Ты посмотри на Серджио. Он — выдающийся писатель. Естественно, что у него проблемы в смысле денег... А ты? Ведь ты же — зеро, ноль! Так хоть бы зарабатывал как следует!..

В ответ на это Рафаэль беззлобно повторял:

— о, факен Раша! Крейзи рашен вумен!..

Я твердил Марусе:

— Он мне нравится. Оставь его в покое. К тому же от него есть прок. Смотри, как ты заговорила по-английски.

Маруся отвечала:

— Для того язык и выучила, чтобы ругать его последними словами...

Мы немного выпили. Маруся вскипятила чайник. Рафаэль сиял от удовольствия. Даже когда я спотыкался об его вытянутую ногу.

Забыв про все свои увечья, латиноамериканец явно жаждал благосклонности. Он смотрел на Мусю преданными и блестящими глазами. Все норовил коснуться ее платья.

Тем сильнее я был поражен, узнав, что Рафаэль — марксист. До этого я был уверен, что вождение и политика — несовместимы.

Но Рафаэль воскликнул:

— Я уважаю русских. Это замечательные люди. Они вроде поляков, только говорят на идиш. Я уважаю их за то, что русские добились справедливости. Экспроприировали деньги у миллионеров и раздали бедным. Теперь миллионеры целый день работают, а бедняки командуют и выпивают. Это справедливо. Октябрьскую революцию возглавил знаменитый партизан — Толстой. Впоследствии он написал «Архипелаг ГУЛАГ»...

— О Господи, — сказала Муся.

Латиноамериканец продолжал:

— В Америке нет справедливости. Миллионерам достаются кинозвезды, а беднякам — фабричные работницы. Так где же справедливость? Все должно быть общее. Автомобили, деньги, женщины...

— Смотри-ка, размечтался! — вставила Маруся.

— Разве это хорошо, когда у одного миллионы, а другой считает жалкие гроши? Все нужно разделить по справедливости.

Я перебил его:

— Мне кажется, что это бесполезно. Одни рождаются миллионерами, другие бедняками. Допустим, можно разделить все поровну, но что изменится? Лет через пять к миллионерам возвратятся деньги. А к беднякам вернутся, соответственно, заботы и печали.

— Возможно, ты прав. Тем более что революция в Америке произойдет не очень скоро. Здесь слишком много богачей и полицейских. Однако в будущем ее, я думаю, не избежать. Врачей и адвокатов мы заставим целый день трудиться. А простые люди будут слушать джаз, курить марихуану и ухаживать за женщинами.

— Видишь, что за тип? — сказала Муся. — Это ж надо!

— Оставь ты, — говорю, — его в покое. Он же в принципе не злой. И рассуждает, в общем-то, на уровне Плеханова, а может, даже Чернышевского...

Мы снова выпили. Я начал замечать, что Рафу тяготит мое присутствие. Хотя он трогал Мусю за руку и говорил:

— Пусть Серджио останется. Куда ему спешить? Давайте посидим еще минуты три. Буквально три минуты.

Но я сказал, что мне пора. Мы попрощались. Рафа излучал блаженство. Ударил меня дружески в живот тяжелой гипсовой рукой.

Маруся вышла следом на площадку.

— Получи, — говорит, — за сигареты.

— Глупости, — сказал я.

— Еще чего! Вот если бы ты жил со мной. Тогда я понимаю!

И тут я вдруг поцеловал ее. И сразу отворились металлические двери лифта.

— Чао! — слышу...

Я шел домой и почему-то чувствовал себя несчастным. Мне хотелось выпить, но уже как следует.

Как только я увидел дочку, все это прошло.

На улице и дома

Слухи у нас распространяются быстро. Если вас интересуют свежие новости, постойте около русского магазина. Лучше всего — около магазина «Днепр».

Это наш клуб. Наш форум. Наша ассамблея. Наше информационное агентство.

Здесь можно навести любую справку. Обсудить последнюю газетную статью. Нанять телохранителя, шофера или, скажем, платного убийцу. Приобрести автомобиль за сотню долларов. Купить валокордин отечественного производства. Познакомиться с веселой и нетребовательной дамой.

Говорят, здесь продают марихуану и оружие. Меняют иностранную валюту. Заключают подозрительные сделки.

О людях нашего района здесь известно все.

Известно, что у Зямы Пивоварова родился внук, которого назвали Бенджи. Что правозащитник Караваев написал статью в защиту дочки Брежнева — Галины, жертвы тоталитаризма. Что владелец «Русской книги» Фима Друкер переиздает альбом «Японская эротика». Что Баранов, Еселевский и Перцович сообща купили ланчонет.

Все знают, что хозяин фотоателье Евсей Рубинчик так и не купил жене мутоновую шубу. Что Григорий Лемкус выдал замуж суку Афродиту. Что счастливчик Лернер оказался миллионным посетителем картинной галереи «Родос» и ему вручили триста долларов. Известно также, что до этого в картинных галереях Лернеру бывать не приходилось.

Известно, между прочим, что Зарецкий тайно ездил к Солженицыну. Был удостоен разговора продолжительностью в две минуты. Поинтересовался, что Исаич думает о сексе? Получил ответ, что «все сие есть блажь заморская, антихристова лжа...».

Короче, здесь известно все. И обо всех. Заговорили наконец и о Марусе с Рафаэлем. В таком примерно духе:

— К этой, с уголовного дома, ходит тут один испанец. И притом открыто. Разве можно так себя не уважать?!

Мужчины, обсуждая эту тему, весело подмигивали. Женщины сурово поднимали брови.

Мужчины говорили:

— Эта рыжая, однако, не теряется.

Женщины высказывались строже:

— Хоть бы каплю совести имела!

Женщины, как правило, Марусю осуждали.

Мужчины в основном сочувствовали ей.

Рафа в представлении мужчин был гангстером и даже террористом. Женщины считали его обыкновенным пьяницей.

Косая Фрида так и говорила:

— Типичный пьяный гой из Жмеринки!..

У наших женщин философия такая:

«Если ты одна с ребенком, без копейки денег — не гордись. Веди себя немного поскромнее».

Они считали, что в Марусином тяжелом положении необходимо быть усталой, жалкой и зависимой. Еще лучше — больной, с расстроенными нервами. Тогда бы наши женщины ей посочувствовали. И даже, я не сомневаюсь, помогли бы.

А так? Раз слишком гордая, то пусть сама выкручивается... В общем:

«Хочешь, чтоб я тебя жалела? Дай сначала насладиться твоим унижением!»

Маруся не производила впечатления забитой и униженной. Быстро начала водить машину. (Рафа поменял облезлый «бьюик» на высокий «джип».) Довольно часто появлялась в русских магазинах. Покупала дорогую рыбу, буженину, черную икру. Хотя я все еще не мог понять, чем Рафа занимается. Не говоря о Мусе...

Сто раз я убеждался — бедность качество врожденное. Богатство тоже. Каждый выбирает то, что ему больше нравится. И как ни странно, многие предпочитают бедность. Рафаэль и Муся предпочли богатство.

Рафа был похож на избалованного сына Аристотеля Онассиса. Он вел себя как человек без денег, но защищенный папиными миллиардами. Он брал займы где только можно. Оформлял кредитные бумаги. Раздавал финансовые обязательства.

Он кутил. Последствия его не волновали.

Сначала Муся нервничала, а затем привыкла. Америка — богатая страна. Кому-то надо жить в этой стране без огорчений и забот?!.

Вот так они и жили.

Общество могло простить им что угодно: тунеядство, вымогательство, наркотики. Короче — все, за исключением беспечности.

Косая Фрида возмущалась:

— Так и я ведь заведу себе какого-нибудь Чиполлино!..

Наши интеллектуалы высказались следующим образом. Зарецкий

говорил:

— Взгляните-ка на этого латиноамериканца. На его суставы и ушные раковины. Перед нами характерный тип латентно-дискурсоидного моносексопата. А теперь взгляните на Марию Федоровну. На ее живот и тазовые кости. Это же типичный случай релевантно-мифизированного полисексуалитета... Короче говоря, они не пара...

Лемкус опускал глаза:

— Бог есть любовь!..

Правозащитник Караваев восклицал, жестикулируя:

— Безнравственно и стыдно предаваться адюльтеру, когда вся хельсинкская группа за решеткой!

Ему печально вторил издатель Друкер:

— Отдаться человеку, который путает Толстого с Достоевским!.. Я лично этого не понимаю...

Аркаша Лернер с некоторой грустью повторял:

— Красивых баб всегда уводят наглые грузины... Что?.. Испанец?.. Это в принципе одно и то же...

Владелец магазина Зяма Пивоваров рассуждал, как настоящий бизнесмен:

— Не пропадать же дефицитному товару...

Евсей Рубинчик, будучи в душе художником, отметил:

— Смотрятся они неплохо. Хотелось бы мне их запечатлеть форматом восемь на двенадцать...

Баранов, Еселевский и Перцович ограничились довольно легкомысленными шутками. Перцович, в частности, сказал Марусе:

— Ты, Мусенька, друзей не забывай. Ты, если будешь замуж выходить, усынови меня. А то уже нет сил крутить баранку в шестьдесят четыре года...

Не то чтобы я подружился с Рафаэлем. Для этого мы были слишком разными людьми. Хотя встречаться приходилось нам довольно часто. Такой у нас район.

Допустим, вы разыскиваете кого-то. Адрес узнавать совсем не обязательно. Гуляйте по центральной улице. Купите банку пива. Съешьте порцию мороженого. Выкурите сигарету. И неизбежно встретите того, кого разыскиваете. Как минимум, получите любую информацию о нем. И главным образом — порочащую...

Маруся раза три устраивала вечеринки. Приглашала нас с женой. Готовила домашние пельмени. Воспитывала Рафу:

— Не кури! Поменьше ешь! А главное, поменьше разговаривай! Учти, что ты здесь самый глупый.

Рафаэль не обижался. Он действительно часами говорил. И в основном про то, как стать миллионером. Строил планы быстрого обогащения.

Планировал издание съедобных детских книг. Затем вынашивал проект съедобных шахмат. Наконец, пришел к волнующей идее съедобных дамских трусиков.

Его смущало лишь отсутствие начальных капиталов.

— Можно, — говорил он, — попросить у братьев. Они мне доверяют полностью. Достаточно снять трубку...

— Братья не дадут, — вставляла Муся. — И ты прекрасно это знаешь. Они не идиоты.

— Не дадут, — охотно соглашался Рафа, — это правда. Но попросить я хоть сейчас могу. Не веришь?..

Будучи американцем, он всей душой мечтал разбогатеть. Но будучи еще и революционером, он мечтал добиться справедливости.

Маруся говорила:

— Шел бы ты работать, как все люди.

Рафа твердо возражал:

— Пускай работают дантисты, богачи и адвокаты.

Логика в его речах отсутствовала.

Однажды я сидел у Муси. Рафа прибежал откуда-то взволнованный и бледный. Закричал с порога:

— Гениальная идея! Принесет нам три миллиона долларов! Успех на сто процентов гарантируется. Никакого риска. Через три недели мы открываем фабрику искусственных сосков!

— Чего? — спросила Муся.

— Искусственных сосков!

— Не понял, — говорю. — Каких сосков?

— Обыкновенных, дамских.

И Рафа ткнул себя корявым пальцем в грудь.

— Все очень просто. Посмотри на женщин. Особенно тех, что помоложе. Они же все без лифчиков разгуливают. Чтобы сквозь одежду все это просвечивало. Ты заметил?

— Допустим, — говорю.

— Я долго наблюдал и вдруг...

— Поменьше наблюдай, — успела вставить Муся.

— Я долго наблюдал, и вдруг меня сегодня осенило. Все это хорошо для молодых. А кто постарше, тем обидно. Им тоже хочется, чтоб все

просвечивало. И чтоб при этом совершенно не болталось. И я придумал, — Рафа торжествующе возвысил голос, — как этого добиться.

— Ну?

— Прошу внимания. Старуха надевает лифчик. Прикрепляет к лифчику резиновый сосок. Затем натягивает кофту.

— Ну и что?

— А то, что все просвечивает и совершенно не болтается.

— И ты намерен эту гадость продавать? — спросила Муся.

— В неограниченном количестве. Ведь это же иллюзия! Я буду торговать иллюзиями по сорок центов штука. И заработаю на этом миллионы. Потому что самый ходовой товар в Америке — иллюзии... Осталось раздобыть начальный капитал. Примерно тысяч двадцать...

— Он сумасшедший, — говорила Муся, — крейзи! Это факт. Но к Левке он действительно привязан. Он ему игрушки покупает. Ходит с ним в бассейн. Недавно рыбу ездили ловить. Он с Левушкой как равный в плане интеллекта. А может, Лева даже поумнее...

Однажды Муся заглянула к нам с женой и говорит:

— Дадите кофе? Я немного посижу. А около пяти заедет Рафа. Он должен Левушку забрать из киндергартена.

Моя жена открыла холодильник. Муся закричала:

— Боже упаси! Я на диете...

Мы пили кофе. Говорили о политике. Конкретно, обсуждали личность Горбачева и его реформы. Маруся, в частности, сказала:

— Если там начнутся перемены, я об этом раньше всех узнаю. Потому что сразу же уволят моего отца. Он сам мне говорил: «Учти. Пока я занимаю столь ответственную должность, коммунизм тебе и маме не грозит...»

Тут снизу позвонили.

— Это Рафа.

Через минуту появился Рафаэль, учтивый, загорелый и благоухающий косметикой. Он изъявил желание выпить рома с пепси-колой. Сообщил, что духота на улице, как в преисподней.

Маруся засмеялась:

— Всюду этот Рафа побывал...

Затем спросила:

— Где ребенок? Во дворе?

— Сейчас все объясню.

Маруся начала приподниматься:

— Где Левушка?

— Не беспокойся. Все нормально.

Рафа снова выпил. Опустил стакан. Укрылся за моей спиной и тонким голосом проговорил:

— Мне кажется, я потерял его.

— Что?!

— Я думаю, он выпал из машины. Только не волнуйся...

Но мы уже бежали вниз по лестнице. Маруся — впереди. Я следом. Затем моя жена. И дальше Рафаэль, который на ходу твердил;

— Мы ехали через Грэнд Централ. Повернули к мосту. Лео перелез на заднее сиденье. Там лежали новые игрушки. А потом вдруг слышу — бэнг! Я думал, это взорвалась игрушечная бомба.

— Убью! — кричала Муся, не замедляя шага.

Мы бежали к переезду. Рафа на бегу курил сигару. Моя жена в домашних туфлях стала отставать. Я уговаривал Марусю действовать разумно. Люди уступали нам дорогу.

День был солнечный и знойный. Над асфальтом поднимались испарения бензина. В стороне аэропорта грохотали реактивные моторы. Сто восьмая улица была похожа на засвеченную фотографию.

Левее виадук мы заметили толпу, которая неплотно окружала полицейского. Маруся с криком бросилась вперед. Секунда, и глазам ее предстанет распростертое на выцветшем асфальте тело.

Люди расступились. Мы увидели заплаканного Левушку с игрушечной гранатой в кулаке. Его колени были в ссадинах. Других увечий я не обнаружил.

— Значит, это ваш? — спросил довольно хмуро полицейский.

Маруся подхватила Леву на руки.

Один в толпе сказал:

— Легко отделался.

Второй добавил:

— Надо отдавать таких родителей под суд.

Тут подоспели новые зеваки:

— Что случилось?

— Выпал из машины...

— Хорошо, что не из самолета...

Мы направлялись к дому. Рафаэль держался в отдалении. Потом вдруг говорит:

— Мне кажется, что это дело следует отпраздновать!..

Он сделал шаг по направлению к двери ресторана «Лотос».

И лишь тогда Маруся наградила его звонкой, оглушительной пощечиной. Раздался звук, как будто тысячи поклонников, допустим, Адриано Челентано одновременно хлопнули в ладоши.

Рафа даже глазом не повел. Он только поднял руки и сказал:
— Сдаюсь...

В июле Муся отмечала день рождения. Собралось у нее двенадцать человек гостей.

Во-первых, родственники — Фима с Лорой. Далее, Зарецкий — что-то вроде свадебного генерала. Лернер — в роли тамады. Рубинчик — представитель наших деловых кругов. Издатель Друкер — воплощение культуры. Пивоваров, без которого такие вечеринки не обходятся. Баранов, Еселевский и Перцович — в качестве народа. Караваев — олицетворяющий районное инакомыслие. И наконец, Григорий Лемкус, заявившийся без приглашения, но с детьми.

Зарецкий подарил Марусе тронутую увяданием розу. Лернер — дюжину шампанского. Владелец «Русской книги» Друкер — том арабских непристойных сказок. Караваев — фотографию Белоцерковского с автографом: «Терпимость — наше грозное оружие!» Рубинчик преподнес ей мани-ордер на загадочную сумму — тридцать восемь долларов и шестьдесят четыре цента. Родственники Фима с Лорой — вентилятор. Пивоваров — целую телегу всякого добра из собственного магазина. Баранов, Еселевский и Перцович сообща купили Мусе новый телевизор. Лемкус одарил ее своим благословением. А мы с женой отделались банальной кофеваркой.

Ждали Рафу. Тот задерживался. Маруся объяснила:

— Он звонил. Сначала из Манхэттена. Потом с Лонг-Айленда. А полчаса назад — из Джексон-Хайтс. Кричал, что скоро будет. Может, деньги занимать поехал к родственникам? Видно, ищет мне какой-нибудь особенный подарок. Только это все не обязательно. Тут главное — внимание...

Решили подождать. Хотя Аркаша Лернер все глядел на заливное. Да и остальные проявляли легкую нервозность. В частности, Рубинчик говорил:

— И все-таки зимой намного лучше кушается. Летом тоже, в общем, кушается, но похуже...

В ответ на это Аркаша Лернер хмуро произнес:

— Я полагаю, глупо ждать зимы!

И осторожно взял маслину с блюда.

— Ну, тогда садитесь, — пригласила Муся.

Гости с шумом начали рассаживаться.

— Я поближе к вам, Мария Федоровна, — сказал Зарецкий.

— А я поближе к семье, — отозвался Лернер.

Прозвенел звонок. Маруся выбежала к лифту. Вскоре появился Рафаэль. Вид у него был гордый и торжественный. В руках он нес большой коричневый пакет. В пакете что-то щелкало, свистело и царапалось. При этом доносились тягостные вздохи.

Рафаэль дождался тишины и опрокинул содержимое пакета в кресло. Оттуда выпал, с треском расправляя крылья, большой зеленый попугай.

— О Господи, — сказала Муся, — это еще что такое?!

Рафа торжествующе обвел глазами публику:

— Его зовут Лоло! Я уплатил за него триста долларов!.. Ты рада?

— Кошмар! — сказала Муся.

— А точнее — двести шестьдесят. Он стоил триста, но я купил его за двести шестьдесят. Плюс такси...

Лоло был ростом с курицу. Он был зеленый, с рыжим хохолком, оранжевыми пейсами и черным ястребиным клювом. Его семитский профиль выражал негодование. Склонив немного голову, он двигался вразвалку, часто расправляя крылья.

С кресла он перешагнул на этажерку. С этажерки — на торшер. Оттуда тяжело перелетел на люстру. С люстры — на карниз. Затем вниз головой спустился по оконной шторе. Ступил на крышку телевизора. Присел. На лакированной поверхности возникла убедительная кучка.

Одарив нас таким сокровищем, Лоло хвастливо вскрикнул. А потом затараторил с недовольным видом:

— Шит, шит, шит, шит, шит, фак, фак, фак, фак...

— В хороших, надо думать, был руках, — сказала Муся.

— Мне бы так владеть английским, — удивился Друкер.

Попугай тем временем залез на стол. Прошелся вдоль закусок. Перепачкал лапы в майонезе. Цепко ухватил за хвост сардину и опять взлетел на люстру.

Муся обратилась к Рафаэлю:

— Где же клетка?

— Денег не хватило, — виновато объяснил ей Рафаэль.

— Но он же будет всюду какать!

— Не исключено. И даже вероятно, — подтвердил Зарецкий.

— Что же делать?!

Рафа приставал к Марусе:

— Ты не рада?

— Я?.. Я просто счастлива! Мне в жизни только этого и не хватало!..
Мы общими усилиями загнали попугая в шкаф.
Лоло был недоволен. Он бранился, как советский неопохмелившийся
разнорабочий. Царапал тонкую фанеру и долбил ее могучим клювом.
А потом затих и, кажется, уснул.
Шкаф был дешевый. Щели пропускали воздух...
— Завтра что-нибудь придумаем, — сказала Муся.
И добавила:
— Ну, а теперь к столу!
Через минуту зазвенели рюмки, чашки и стаканы. Выпивали из чего
придется. Лернер громко крикнул:
— С днем рождения!
Маруся от смущения произнесла:
— Вас также...

Расходились мы около часу ночи. Шли и обсуждали Мусины
проблемы. Зарецкий говорил:

— Здоровая, простите, баба, не работает, живет с каким-то
дикобразом... Целый день свободна. Одевается в меха и замшу. Пьет
стаканами. И никаких забот... В Афганистане, между прочим, льется кровь,
а здесь рекой течет шампанское!.. В Непале дети голодают, а здесь какой-то
мерзкий попугай сардины жрет!.. Так где же справедливость?

Тут я бестактно засмеялся.

— Циник! — выкрикнул Зарецкий.

Мне пришлось сказать ему:

— Есть кое-что повыше справедливости!

— Ого! — сказал Зарецкий. — Это интересно! Говорите, я вас с
удовольствием послушаю. Внимание, господа! Так что же выше
справедливости?

— Да что угодно, — отвечаю.

— Ну а если более конкретно?

— Если более конкретно — милосердие...

Я хочу домой

Настала осень. Наш район с трудом очнулся после долгого удушливого лета. Кондиционеры были выключены. Толстяки сменили отвратительные шорты на пристойные кримпленовые брюки. Женщины, слегка прикрывшись, обрели известную таинственность. Тяжелый запах дыма и бензина растворился в аромате подгнивающей листвы.

Марусю я встречал довольно часто. Иногда мы заходили в бар. Маруся жаловалась:

— Ты себе не представляешь! Рафа и Лоло — ну просто близнецы. В том смысле, что ответственности — ноль. И лексикон примерно одинаковый.

— Он так и не работает?

— Лоло?

— Да не Лоло, а Рафа?

Муся засмеялась:

— Ты его, должно быть, с кем-то путаешь. Скорей уж я поверю, что работает Лоло. Хотя и это, прямо скажем, маловероятно...

Марусе принесли коктейль — джин с лимонадом. Мне — двойную порцию «Столичной».

Мы пересели за отдельный столик. Я спросил:

— Тогда на что вы существуете?

— Не знаю... Я тут месяц проработала в одной конторе. Отвечала на звонки. Естественно, хозяин начал приставать. Я говорю ему: «Поехали в мотель. Все удовольствие — сто долларов». А он: «Я думал, ты порядочная женщина». А я ему: «Тебе порядочная и за миллион не даст».

Я перебил ее:

— Маруська, ты в своем уме?! Ведь ты не проститутка! Что вообще за разговоры?!

— А что ты мне советуешь? Тарелки мыть в паршивом ресторане? На программиста выучиться? Торговать орехами на Сто восьмой?.. Да лучше я обратно попрошусь!

— Куда? В Москву?

— Да хоть бы и в Москву! А что особенного?! Ведь не посадят же меня. К политике я отношения не имею...

— А свобода?

— На фиг мне свобода! Я хочу покоя... И вообще, зачем нужна

свобода, когда у меня есть папа?!

— Ты даешь!

— Нормальный человек, он и в Москве свободен.

— Много ли ты видела нормальных?

— Их везде не много.

— Ты просто все забыла. Хамство, ложь...

— В Москве и нахамят, так хоть по-русски.

— Это-то и страшно!..

— В общем, жизни нет. На Рафу полагаться глупо. Он такой: сегодня на коленях ползает, а завтра вдруг исчезнет. Где-то шляется неделю или две. Потом опять звонит. Явился как-то раз, снимает брюки, а трусы в помаде. Я тебе клянусь! Причем его и ревновать-то бесполезно. Не поймет. В моральном отношении Лоло на этом фоне — академик Сахаров. Он хоть не шляется по бабам...

Я спросил:

— А Лева?

— Левка молодой еще по бабам шляться.

— Я спросил — как Левушка на этом фоне?

— А-а... Прекрасно. У него как раз все замечательно. И с Рафой отношения прекрасные. И с попугаем, когда тот в хорошем настроении... Как говорится, родственные души...

Я помахал рукой знакомому художнику. Его жена уставилась на Мусю. Так, будто обнаружила меня в сомнительной компании. Теперь начнутся разговоры. Впрочем, разговоры начались уже давно.

Однако настроение испортилось. Я заплатил, и мы ушли...

Прошла неделя. Где-то я услышал, что Муся ездила в советское посольство. Просилась якобы домой.

Сначала я, конечно, не поверил. Но слухи все усиливались. Обрастали всякими подробностями. В частности, Рубинчик говорил:

— Ее делами занимается Балиев, третий секретарь посольства.

Я позвонил Марусе. Спрашиваю:

— Что там происходит?

Она мне говорит довольно странным тоном:

— Если хочешь, встретимся.

— Где?

— Только не у магазина «Днепр».

Мы встретились на Остин-стрит, купили фунт черешен. Сели на траву у Пресвитерианской церкви.

Муся говорит:

— Если тебя со мной увидят, будешь неприятности иметь.
— В том смысле, что жена узнает?
— Не жена, а эмигрантская, пардон, общественность.
— Плевать... Ты что, действительно была в посольстве?
— Ну, была.
— И что?
— Да ничего. Сказали: «Нужно вам, Мария Федоровна, заслужить прощение».
— Чем все это кончилось?
— Ничем.
— И что же будет дальше?
— Я не знаю. Я только знаю, что хочу домой. Хочу, чтоб обо мне заботились. Хочу туда, где папа с мамой... А здесь? Испанец, попугай, какая-то дурацкая свобода... Я, может быть, хочу дворнягу, а не попугая...
— Дворняга, — говорю, — у тебя есть.
Маруся замолчала, отвернулась. Наступила тягостная пауза. Я говорю:
— Ты сердишься?
— На что же мне сердиться? Встретить бы тебя пятнадцать лет назад...
— Я не такой уж старый.
— У тебя жена, ребенок... В общем, ясно. А просто так я не хочу.
— Да просто так и я ведь не согласен.
— Тем более. И хватит говорить на эту тему!
— Хватит.
Черешни были съедены. А косточки мы бросили в траву.
Чтобы прервать молчание, я спросил:
— Ты хочешь рассказать мне о своих делах?
И вот что я услышал.

В августе у Муси началась депрессия. Причины, как это обычно и бывает, выглядели мелкими. Известно, что по-настоящему страдают люди только от досадных мелочей.

Соединилось все. У Левушки возникла аллергия к шоколаду. Рафаэль не появлялся с четверга. Лоло сломал очередную клетку из тяжелой медной проволоки. Счет за телефон был не оплачен.

Тут как раз и появилось объявление в газетах. Все желающие могут посмотреть отечественный фильм «Даурия». Картина демонстрируется под эгидой нашей миссии в ООН. Свободный вход. По слухам, ожидается шампанское и бутерброды.

Муся вдруг решила, что пойдет. А Левушку оставит родственникам.

Зал был небольшой, прохладный. Фильм особенного впечатления не произвел. Стрельбой и гонками американских зрителей не удивишь.

Зато потом их угостили водкой с бутербродами. Слух относительно шампанского не подтвердился.

К Мусе подошел довольно симпатичный тип лет сорока. Назвался:

— Логинов Олег Вадимович.

Поговорили о кино. Затем о жизни вообще. Олег Вадимович пожаловался на дороговизну. Сказал, что качество в Америке — ужасно дорогая штука. «Недавно, — говорит, — я предъявил своему боссу ультиматум. Платите больше или я уволюсь».

— Чем же это кончилось? — спросила Муся.

— Компромиссом. Зарплату он мне так и не прибавил. Зато я решил, что не уволюсь.

Муся засмеялась. Олег Вадимович казался ей веселым человеком. Она даже спросила:

— Почему среди людей гораздо больше мрачных, чем веселых?

Логинов ответил:

— Мрачным легче притворяться.

Потом вдруг спрашивает:

— А могу ли я задать вопрос, что называется, приватный?

— То есть?

— Проще говоря — нескромный... Как это случилось, уважаемая Мария Федоровна, что вы на Западе?

— По глупости, — ответила Маруся.

— Папаша ваш — солидная фигура. Мать — ответственный работник. Сами вы неплохо зарабатывали. Алиментов, извиняюсь, выходило ежемесячно рублей по сто...

— Не в деньгах счастье.

— Полностью согласен... В чем же? От политики вы были далеки. Материально вам хватало. Жили беззаботно... Родственников захотелось повидать? При таких доходах родственников можно было выписать из-за границы — к нам...

— Не знаю... Дура я была...

— Опять же полностью согласен. Тем не менее какие ваши планы?

— В смысле?

— Как вы собираетесь жить дальше?

— Как-нибудь.

Тут Муся спохватилась:

— Я Америку не хаю. Мне здесь нравится.

— Еще бы, — поддержал товарищ Логинов. — Великая страна! Да мы-то здесь чужие, независимо от убеждений.

Маруся вежливо кивнула. Ей понравилось размашистое «мы», которым Логинов объединил их: эмигрантку с дипломатом.

— Может, я обратно попрошусь. Скажу — простите меня, дуру несознательную...

Логинов подумал, усмехнулся и сказал:

— Прощение, Мария Федоровна, надо заслужить...

Маруся поднялась и отряхнула юбку. С Квинс-бульвара доносился гул автомашин. Над крышами бледнело догорающее солнце. В тень от пресвитерианских башен налетела мошकारа.

Я тоже встал:

— Так чем же это кончилось?

— Они мне позвонили.

— Кто — они?

— Два типа из советского посольства.

Я сказал:

— Идем, расскажешь по дороге. Может, выпьем кофе где-нибудь?

Маруся рассердилась:

— А киселя ты мне не хочешь предложить?..

Мы оказались в баре на Семидесятой. Там грохотала музыка. Пришлось идти через дорогу к мексиканцам.

Я спросил:

— Так что же было дальше?

Муся попрощалась с Логиновым в холле. Думала, что он захочет проводить ее. И даже приготовилась к не слишком энергичному отпору. Но Олег Вадимович сказал:

— Если хотите, я вам позвоню...

Возможно, думала Маруся, он боится своего начальства. Или же меня не хочет подводить.

Домой Маруся ехала в сабвее. Целый час себя корила за ненужную, пустую откровенность. Да и мысль о возвращении на родину казалась ей теперь абсурдной. Вдруг посадят? Вдруг заставят каяться? Ругать Америку, которая здесь совершенно ни при чем...

Прошло три дня. Маруся стала забывать про этот глупый разговор. Тем более что появился Рафа, как всегда — довольный и счастливый. Он

сказал, что был в Канаде, исключительно по делу. Что недавно основал и, разумеется, возглавил корпорацию по сбору тишины.

— Чего? — спросила Муся.

— Тишины.

— Ого, — сказала Муся, — это что-то новенькое.

Рафаэль кричал:

— Я заработаю миллионы! Вот увидишь! Миллионы!

— Очень кстати. Тут как раз пришли счета.

— Послушай, в чем моя идея. В нашей жизни слишком много шума. Это вредно. Действует на психику. От этого все люди стали нервными и злыми. Людям просто не хватает тишины. Так вот, мы будем собирать ее, хранить и продавать...

— На вес? — спросила Муся.

— Почему на вес? В кассетах. И под номерами. Скажем, тишина номер один: «Рассвет в горах». А тишина, допустим, номер пять: «Любовная истома». Номер девять: «Тишина испорченной землечерпалки». Номер сорок: «Тишина через минуту после авиационной катастрофы». И так далее.

— За телефон бы надо уплатить, — сказала Муся.

Рафа не дослушал и ушел за пивом.

Тут ей позвонили. Низкий голос произнес:

— Мы из советского посольства...

Пауза.

— Але! Хотите с нами встретиться?

— А где?

— Да где угодно. В самом людном месте. Ресторан «Шанхай» на Лексингтон и Пятьдесят четвертой вас устраивает? В среду. Ровно в три.

— А как я вас узнаю?

— Да никак. Мы сами вас узнаем. Нас Олег Вадимович проинформировал. Не беспокойтесь. Просьба не опаздывать. Учтите, мы специально прилетим из Вашингтона.

— Я приду, — сказала Муся.

И подумала: «Тут кавалеры доллар на метро боятся израсходовать. А эти специально прилетят из Вашингтона. Мелочь, а приятно...»

Ровно в три она была на Лексингтон. У ресторана поджидали двое. Один — довольно молодой, в футболке. А второй — при галстукке и лет на десять старше. Он-то и представился — Балиев. Молодой сказал, протягивая руку, — Жора.

В ресторане было тесно, хотя ланч давно закончился. Гудели кондиционеры. Молодая китаянка проводила их за столик у окна. Вручила каждому меню с драконами на фиолетовой обложке. Жора погрузился в чтение. Балиев равнодушно произнес:

— Мне — как всегда.

Маруся поспешила заявить:

— Я есть не буду.

— Дело ваше, — реагировал Балиев.

Жора возмутился:

— Обижаешь, мать! Идешь на конфронтацию! А значит, создаешь очаг международной напряженности!.. Зачем?.. Давай поговорим! Побудем в деловой и конструктивной обстановке!..

Тут Балиев с раздражением прикрикнул:

— Помолчите!

У Маруси сразу же возникло ощущение театра, зрелища, эстрадной пары. Жора был веселый, разбитной и откровенный. А Балиев — по контрасту — хмурый, строгий и неразговорчивый.

При этом между ними ощущалась согласованность, как в цирке.

Жора говорил:

— Не падай духом, мать! Все будет замечательно! Беднейшие слои помогут! Запад обречен!..

Балиев недовольно хмурился:

— Не знаю, как тут быть, Мария Федоровна. Решения в таких делах, конечно, принимаются Москвой. При этом многое, естественно, зависит и от наших, так сказать, рекомендаций...

Китаянка принесла им чаю. Мелко кланяясь, бесшумно удалилась. Жора вслед ей крикнул:

— Побыстрее, дорогуша! Выше ногу, уже глаз!..

Балиев наконец кивнул:

— Рассказывайте.

— Что?

— Да все как есть.

— А что рассказывать? Жила я хорошо, материально и вообще. Уехала по глупости. Хочу, как говорится, искупить. Вплоть до лишения свободы...

Жора снова возмутился:

— Брось ты, мать! Кого теперь сажают?! Нынче, чтобы сесть, особые заслуги требуются. Типа шпионажа...

Тут Балиев строго уточнил:

— Бывают исключения.

— Для полицаев!.. А Мария Федоровна — просто несознательная.

— В общем, — неохотно подтвердил Балиев, — это так. И все-таки прощение надо заслужить. А как, на этот счет мы будем говорить в посольстве.

— Я должна приехать?

— Чем скорей, тем лучше. Ждем вас каждый понедельник. С часу до шести. Записывайте адрес.

— А теперь, — сказал ей Жора, — можно вас запечатлеть? Как говорится, не для протокола.

Он вынул из кармана фотоаппарат. Балиев чуть придвинулся к Марусе. Официант с дымящимся подносом замер в нескольких шагах.

Зачем им фотография понадобилась думала Маруся. В качестве улики? В доказательство успешно проведенной операции? Зачем? И ехать ли мне в это чертово посольство?.. Надо бы поехать. Просто ради интереса...

Муся ехала «Амтраком» в шесть утра. За окнами мелькали реки, горы, перелески — все как будто нарисованное. Утренний пейзаж в оконной раме. Не природа, думала Маруся, а какая-то цивилизация...

Затем она гуляла час по Вашингтону. Ничего особенного. Если что и бросилось в глаза, так это множество строительных лесов.

Посольский особняк едва виднелся среди зелени. Казалось, что ограда лишь поддерживает ветки. Прутья были крашенные, толстые, с шипами.

Муся постояла возле закрытых дверей, нажала кнопку.

Вестибюль, на противоположной стенке — герб, телеустройство...

— Ждите!

Кресло, стол, журналы «Огонек», знакомые портреты, бархатные шторы, холодильник...

Ждать пришлось недолго. Вышли трое. Жора, сам Балиев и еще довольно гнусный тип в очках. (Лицо, как бельевая пуговица, вспоминала Муся.)

Далее — минуты три бессмысленных формальностей:

— Устали? Как доехали? Хотите пепси-колы?

После этого Балиев ей сказал:

— Знакомьтесь — Кокорев Гордей Борисович.

— Мы так его и называем — КГБ, — добавил Жора.

Кокорев прервал его довольно строгим жестом:

— Я прошу внимания. Давайте подытожим факты. Некая Мария Татарович покидает родину. Затем Мария Татарович, видите ли, просится обратно. Создается ощущение, как будто родина для некоторых — это

переменная величина. Хочу — уеду, передумаю — вернусь. Как будто дело происходит в гастрономе или же на рынке. Между тем совершенно, я извиняюсь, гнусное предательство. А значит, надо искупить свою вину. И уж затем, гражданка Татарович, будет решено, пускать ли вас обратно. Или не пускать. Но и тогда решение потребует, учтите, безграничного мягкосердечия. А ведь и у социалистического гуманизма есть пределы.

— Есть, — уверенно поддакнул Жора.

Наступила пауза. Гудели кондиционеры. Холодильник то и дело начинал вибрировать.

Маруся неуверенно спросила:

— Что же вы мне посоветуете?

Кокорев помедлил и затем сказал:

— А вы, Мария Федоровна, напишите.

— Что?

— Статью, заметку, что-то в этом роде.

— Я? О чем?

— Да обо всем. Детально изложите все, как было. Как вы жили без забот и огорчений. Как на вас подействовали речи Цехновицера. И как потом вы совершили ложный шаг. И как теперь раскаиваетесь... Ясно?... Поделитесь мыслями...

— Откуда?

— Что — откуда?

— Мысли.

— Мыслей я подкину, — вставил Жора.

— Мысли не проблема, — согласился Кокорев.

Балиев неожиданно заметил:

— У одних есть мысли. У других — единомышленники...

— Хорошо, — сказала Муся, — ну, положим, я все это изложу. И что же дальше?

— Дальше мы все это напечатаем. Ваш случай будет для кого-нибудь уроком.

— Кто же это напечатает? — спросила Муся.

— Кто угодно. С нашей-то рекомендацией!.. Да хоть «Литературная газета».

— Или «Нью-Йорк Таймс», — добавил Жора.

— Я ведь и писать-то не умею.

— Как умеете. Ведь это не стихи. Здесь основное — факты. Если надо, мы подредактируем.

— Послушай, мать, — кривлялся Жора, — соглашайся, не томи.

— Я попрошу Довлатова, — сказала Муся.

Кокорев переспросил:

— Кого?

— Вы что, Довлатова не знаете? Он пишет, как Тургенев, даже лучше.

— Ну, если как Тургенев, этого вполне достаточно, — сказал Балиев.

— Действуйте, — напутствовал Марусю Кокорев.

— Попробую...

В баре оставались — мы, какой-то пьяный с фокстерьером и задумчивая черная девица. А может, чуть живая от наркотиков.

Маруся вдруг сказала:

— Угости ее шампанским.

Я спросил:

— Желаете шампанского?

Девица удивленно посмотрела на меня. Ведь я был не один. Затем она решительно и грубо повернулась к нам спиной.

Мой странный жест ей, видно, не понравился. Она даже проверила — на месте ли ее коричневая сумочка.

— Чего это она? — спросила Муся.

— Ты не в Ленинграде, — говорю.

Мы вышли на сырую улицу, под дождь. Автомашины проносились мимо наподобие подводных лодок.

Стало холодно. Такси мне удалось поймать лишь возле синагоги. Дряхлый «чекер» был наполнен запахом сырой одежды.

Я спросил:

— Ты что, действительно решила ехать?

— Я бы не задумываясь села и поехала. Но только сразу же. Без всяких этих дурацких разговоров.

— Как насчет статьи?

— Естественно, никак. Я матери пишу раз в год, и то с ошибками. Вот если бы ты мне помог.

— Еще чего?! Зачем мне лишняя ответственность? А вдруг тебя посадят?

— Ну и пусть, — сказала Муся.

И придвинулась ко мне. Я говорю ей:

— Руки, между прочим, убери.

— Подумаешь!

— В такси любовью заниматься — это, извини, не для меня.

— Тем более, — вмешался наш шофер, — что я секу по-русски.

— Господи! Какие все сознательные! — закричала Муся, отодвинувшись.

И тут я замечаю на коленях у шофера русскую газету. Механически читаю заголовки: «Подожжен ливийский танкер»... «Встреча Шульца с лидерами антисандинистов»... «На чемпионате мира по футболу»... «Предстоящие гастроли Бронислава Разудалова»...

Не может быть! Еще раз перечитываю — «Гастроли Бронислава Разудалова. Нью-Йорк, Чикаго, Филадельфия, Детройт. В сопровождении ансамбля...»

Я сказал шоферу:

— Дайте-ка газету на минуточку.

Маруся спрашивает:

— Что там? Покушение на Рейгана? Война с большевиками?

— На, — говорю, — читай...

— О Господи! — я слышу. — Этого мне только не хватало!..

Операция «Песня»

Гастроли Разудалова должны были продлиться три недели. Начинались они в Бруклине, шестнадцатого. Далее шел Квинс. Затем, по расписанию, — Чикаго, Филадельфия, Детройт и, кажется, Торонто.

На афишах было выведено:

«Песня остается с человеком».

Ниже красовалась фотография мужчины в бархатном зеленом пиджаке. Он был похож на страшно истаскавшегося юношу. Такие лица — наглые, беспечные, решительные — запомнились мне у послевоенных второгодников. Мужчина был запечатлен на фоне колосющейся пшеницы или ржи. А может быть, овса.

Афиш у нас в районе появилось множество. В одном лишь магазине Зямы Пивоварова их было целых три. У кассы, на дверях и под часами.

Весь район наш был заинтригован. Все прекрасно знали, что у Муси — сын от Разудалова. Что Муся — бывшая жена приезжей знаменитости. Что встреча Разудалова и Муси будет полной драматизма.

Он — певец, лауреат, звезда советского искусства, член ЦК. Она — безнравственная женщина на велфере.

Захочет ли партийный Разудалов встретиться с Марусей? Побывает ли у нас в районе? Как на все это посмотрит Рафаэль?

Короче, все мы ожидали драматических событий. И они, как говорится, не замедлили последовать.

Газета напечатала статью под заголовком — «Диверсант у микрофона». Разудалова в статье именовали, например, «кремлевским жаворонком». А его гастроли — «политическим десантом». Автор, между прочим, восклицал:

«О чем поет заезжий гастролер, товарищ Разудалов? О трагедии еврейского народа? О томящейся в узилище Ирине Ратушинской? О загубленной большевиками экономике? А может, о карательной психиатрии?

Нет!

Слагает он другие гимны. О труде на благо родины. О пресловутой дружбе. О так называемой любви...

И дирижирует всем этим — комитет госбезопасности!

Зачем нам гастролер с Лубянки? Кто за всем этим стоит? Каким послужит целям заработанная им валюта?!»

И тому подобное.

Статьейка вызвала довольно много шума. Каждый день печатались все новые материалы. Целая дискуссия возникла. В ней участвовали самые значительные люди эмиграции.

Одни сурово требовали бойкотировать концерты. У других сквозила мысль — зачем? Кто хочет, пусть идет. Едим же мы советскую икру. Читаем ведь Распутина с Беловым.

Самым грозным оказался публицист Натан Зарецкий. У него была идея Разудалова похитить. Чтоб в дальнейшем обменять его на Сахарова или Ратушинскую.

Зарецкого поддерживали ястребы, которых оказалось большинство. Ходили слухи, что в концертный зал подложат бомбу. Что у входа будут якобы дежурить патрули. Что наиболее активных зрителей лишат восьмой программы и фудстемпов. Что организатора гастролей депортируют. И прочее.

Я позвонил Марусе:

— Ты идешь?

— Куда?

— На вечер Разудалова.

— Пойду. Назло всем этим чокнутым борцам за демократию. А ты?

— Я и в Союзе был к эстраде равнодушен.

Муся говорит:

— Подумаешь! Как будто ты из филармонии не вылезал...

Потом она рассказывала мне:

«Концерт прошел нормально. Хулиганов было трое или четверо. Зарецкий нес таинственный плакат — „Освободите Циммермана!“. На вопрос: „Кто этот самый Циммерман?“ — Зарецкий отвечал:

— Сидит за изнасилование.

— В Москве?

— Нет, в городской тюрьме под Хартфордом...

Из зала Разудалову кричали:

— Почему не эмигрируешь в Израиль?

Разудалов отвечал:

— Я, братцы, не еврей. За что, поверьте, дико извиняюсь...

Сам он постарел, рассказывала Муся. Однако голос у него пока довольно звонкий. Песенки все те же. Он любит ее. Она любит его. И оба любят русскую природу...

А потом ему вопросы задавали. И не только о политике. Один, к примеру, спрашивает:

— Есть ли жизнь на Марсе?

Бронька отвечает:

— Да навалом.

— Значит, есть и люди вроде нас?

— Конечно.

— А тогда чего они нам голову морочат? Вдруг опустится тарелка, шороху надевает — и поминай как звали... Почему они контактов избегают?

Бронька говорит:

— Да потому что шибко умные...

В конце он декламировал стихи, рассказывала Муся. Говорит, что собственные:

Ах, есть у Маши настроение —

Постигнуть машиностроение.

Ах, есть у Саши настроение —

Постигнуть Машино строение... [\[2\]](#)

Короче, говорила Муся, все прошло нормально. Хлопали, вопросы задавали... Скоро ли в России коммунизм построят?

Бронька отвечал:

— Не будем чересчур спешить. Давайте разберемся с тем, пардон, что есть...

Ну и так далее».

Маруся замолчала. Я спросил:

— Ты видела его? Встречалась с ним?

— Да, видела.

— И что?

— Да ничего. Так. Собственно, чего бы ты хотел?

Действительно, чего бы я хотел?..

Концерт закончился в двенадцать. Муся слевой подошли к эстраде. Рафаэль повел себя на удивление корректно. Побежал за выпивкой.

Толпа не расходилась. Разудалов выходил на сцену, кланялся и, пятясь, удалялся.

Он устал. Лицо его тонуло в белой пене хризантем и гладиолусов.

А зрители все хлопали. И мало этого, кричали — бис!

Взволнованный певец утратил бдительность. Он спел — «Я пью желаю губ твоих нектар». Хоть эта песня и была запрещена цензурой как

антисоветская. С формулировкой — «пошлость».

Муся не дослушала, протиснулась вперед. Над головой она держала сложенную вчетверо записку: «Хочешь меня видеть — позвони. Мария».

Дальше телефон и адрес.

Муся видела, как Разудалов подхватил записку на лету. Движение напоминало жест официанта, прячущего чаевые. Жаль только, лица Марусиного он не разглядел.

На этом выступление закончилось. Но Муся уже вышла с Левушкой под дождь. Увидела, что Рафаэль сидит в машине. Села рядом.

Рафа говорит:

— Я ждал тебя и чуть не плакал.

— Вот еще!

— Я думал, ты уедешь с этим русским.

— С кем же я оставлю попугая?!

— Он так замечательно поет.

— Лоло?

— Да не Лоло, а этот русский тип. Он мог бы заменить тут Леннона и даже Пресли.

— Да, конечно. Мог бы. Если бы он умер вместо них...

Тут появился Разудалов с оркестрантами. Их поджидало два автомобиля. Синий лимузин и голубой микроавтобус.

Разудалов выглядел смущенным, озабоченным. Марусе показалось — он кого-то ищет. Что-то отвечает невпопад своим поклонникам. А может быть, ребятам из посольства. Вдруг она даже подумала — не Жора ли сидит там за рулем микроавтобуса. Разумно ли бросаться ей при всех к советскому артисту? Да еще с ребенком. Незачем компрометировать его. Захочет — позвонит.

Маруся обратилась к сыну:

— Посмотри на этого задумчивого дяденьку с цветами. Знаешь, кто это такой?

Ответа не последовало.

Мальчик спал, уткнувшись в поясницу Рафаэля Чикориллио Гонзалеса.

— Поехали домой, — сказала Маруся.

Разудалов позвонил в час ночи из гостиницы. Сначала повторил раз двадцать: «Маша, Маша, Маша...» Лишь потом заговорил дрожащим тихим голосом. Не тем, что пел с эстрады:

— Нас предупредили... Есть такое соглашение, что всех невозвращенцев будут отправлять домой...

Маруся удивилась:

— Разве ты невозвращенец?
— Боже упаси! — перепугался Разудалов. — Я же член ЦК... Ну как ты?

— Как? Да все нормально. Левушка здоров...
Тут наступила маленькая пауза. Уже через секунду Разудалов говорил:
— Ах, Лева!.. Помню... Мальчик, сын... Конечно помню... Рыженький такой... Ну как он?

— Все нормально.
— В школу ходит?
— Да, конечно, ходит... В детский сад.
— Прекрасно. Ну а ты?
— Что я?
— Ты как?
— По-разному.
— Не вышла замуж?
— Нет.
— Родители здоровы?
— Это тебе лучше знать.
— Ах да, конечно... Вроде бы здоровы... Почему бы нет?.. Особенно папаша... Я их года полтора не видел...

— Я примерно столько же... А ты как?
— Я? Да ничего. Пою... Лауреат всего на свете... Язву приобрел...
— Зачем она тебе понадобилась?
— Как это?
— Да я шучу... Ты не женился?
— Нет уж. Узы Гименея, извини, не для меня. Тем более что всех интересует лишь моя сберкнижка... Кстати, что там с алиментами?
— Да ладно... Спыхватился... Ты лучше скажи, мы встретимся?

И снова наступила пауза.
Проснулся Рафа. Деликатно поспешил в уборную.
А Разудалов все молчал. Затем уныло произнес:
— Я, в общем-то, не против... Знаешь что? Тут есть кафе в отеле «Рома». Называется «Мариас»...

— Это значит — «У Марии», «У Маруси».
— Потрясающее совпадение. Ты приезжай сюда к одиннадцати, завтра. Я тут сяду у окна. А вы пройдете мимо...

«Господи, — подумала Маруся, — лауреат, заслуженный артист, к тому же член всего на свете... Сына повидать боится. Это ж надо!»

— Ладно, — согласилась Муся, — я приеду.

— Угол Тридцать пятой и Седьмой. В одиннадцать.
— Договорились. Слушай...
— Ну?
— Я синий бант надену, чтобы ты меня узнал.
— Договорились... Что?.. Да я тебя отлично помню.
— Пошутить нельзя?..
— Учти, я тоже изменился.
— То есть?
— Зубы вставил...

Полдень в центре города. Горланящая пестрая толпа. Водовороты у дверей кафе и магазинов. Резкие гудки. Назойливые крики торгашей и зазывал. Дым от жаровен. Запах карамели...

Угол Тридцать пятой и Седьмой. Брезентовый навес. Распахнутые окна кафетерия при маленькой гостинице. Бумажные салфетки чуть трепещут на ветру.

За столиком — мужчина лет пятидесяти. Тщательно отглаженные брюки. Портсигар с изображением Кремля. Обшитая стеклярусом рубашка, купленная на Диленси. Низкие сидящие бакенбарды.

Он заказывает кофе. Нерешительно отодвигает в сторону меню. Валюту надо экономить.

Папиросы у него советские.

К мужчине приближается девица в униформе:

— Извините, здесь нельзя курить траву. Полиция кругом.

— Не понимаю.

— Здесь нельзя курить траву. Вы понимаете — «траву»!

Мужчина не силен в английском. Тем не менее он понимает, что курить запрещено. При том, что окружающие курят.

И мужчина не задумываясь тушит папиросу.

Негр в щегольской одежде гангстера или чечеточника дружески ему подмигивает. Ты, мол, не робей. Марихуана — двигатель прогресса!

Разудалов улыбается и поднимает чашку. Налицо единство мирового пролетариата...

Стрелка приближается к одиннадцати. За стеклом универмага «Гимблс» — женщина в нарядном белом платье. Рядом мальчик с округлившейся щекой: внутри угадывается конфета. Он твердит:

— Ну мама... Ну пошли... Я пить хочу... Ну мама... Ну пошли...

Маруся видит Разудалова и думает без злобы:

«Горе ты мое! Зачем все это надо?! Ты же ископаемое. Да еще и бесполезное...»

Маруся с Левушкой решительно проходят вдоль окна. Их будущее — там, за поворотом, в равнодушной суете нью-йоркских улиц. Прошлое глядит им вслед, расплачиваясь с официанткой.

Прошлое застыло в нерешительности. Хочет их догнать. Шагает к двери. Топчется на месте.

Есть и некто третий в этой драме. За Марусей крадучись упорно следует невыспавшийся Рафаэль.

Ночной звонок смутил его и растревожил. Он боится, что проклятый русский украдет его любовь.

Он выследил Марусю. Ехал с ней в метро, закрывшись «Таймсом». Прятался за кузовом грузовика. Теперь он следует за ней упругим шагом мстителя, хозяина, ревнивца.

Черные очки его хранят весь жар манхеттенского полдня. Шляпа — тверже раскаленной крыши. Терракотовые скулы неподвижны, как борта автомашин.

Вот Рафаэль идет под окнами кафе. Встречается глазами с Разудаловым и думает при этом:

«Революция покончит навсегда с врачами, адвокатами и знаменитостями...»

Разудалов, в свою очередь, беззвучно произносит:

«Ну и рожа!»

Добавляя про себя:

«Оскал капитализма!..»

Муся с Левушкой прошли вдоль овощного ряда. Чуть замедлили шаги у магазина «Стейшенери». Повернули к станции метро.

За Мусей с неотступностью кошмара двигался безумный Рафаэль. Очки и шляпа придавали ему вид кинозлодея. Локти утюгами раздвигали шумную толпу. В нем сочетались хладнокровие кинжала и горячность пистолета.

Левушка тем временем остановился у киоска с надписью «Мороженое».

— Нет, — сказала Муся, — хватит.

— Мама!

— Хватит, говорю! Ведь ты же утром ел мороженое.

Левушка сказал:

— Оно растаяло давно.

Маруся потянула сына за руку. Тот с недовольным видом упирался.

Вдруг над головами убедительно и строго прозвучало:

— Стоп! Мария, успокойся! Лео, вытри слезы! Я плачу!..

И Рафаэль (а это был, конечно, он) небрежным жестом вытащил стодолларовую бумажку.

Через две минуты он уже кричал:

— Такси! Такси!..

Ловите попугая!

Прошло около года. В Польше разгромили «Солидарность». В Южной Африке был съеден шведский дипломат Иен Торнхольм. На Филиппинах кто-то застрелил руководителя партийной оппозиции. Под Мелитополем разбился «ТУ-129». Мужа Джеральдин Ферраро обвинили в жульничестве.

А у нас в районе жизнь текла спокойно.

Фима с Лорой ездили в Бразилию. Сказали — не понравилось. Хозяин фотоателье Евсей Рубинчик вместо новой техники купил эрдельтерьера. Лемкус, голосуя на собрании баптистов, вывихнул плечо. Натан Зарецкий гневно осудил в печати местный климат, телепередачи Данка Росса и администрацию сабвея. Зяма Пивоваров в магазине «Днепр» установил кофейный агрегат. Аркадий Лернер приобрел на гараж-сейле за три доллара железный вентилятор, оказавшийся утраченным шедевром модерниста Кирико. Ефим Г. Друкер переименовал свое издательство в «Невидимую книгу». Караваев написал статью в защиту террориста и грабителя Буэндиа, лишенного автомобильных прав. Баранов, Еселевский и Перцович обменяли ланчонет на рыболовный катер.

Муся не звонила с октября. Ходили слухи, что она работает в каком-то непотребном заведении. Мол, чуть ли не снимается в порнографическом кино.

Я раза два звонил, но безуспешно. Телефон за неуплату отключили. Странно, думал я. Как могут сочетаться порнография и бедность?!

Говорили, что у Муси, не считая Рафаэля, — пять любовников. Один из них — полковник КГБ. Что тоже вызывало у меня известные сомнения. Без телефона, я считал, подобный образ жизни невозможен.

Говорили, что Маруся возвращается на родину. И более того — она давно в Москве. Ее уже допрашивают на Лубянке.

Характерно, что при этом наши женщины сердились. Говорили — да кому она нужна?! Так, словно оказаться на Лубянке было честью.

Говорили и про Рафаэля. Например, что он торгует героином и марихуаной. Что за ним который год охотится полиция. Что Рафаэль одновременно мелкий хулиган и крупный гангстер. И что кончит он в тюрьме. То есть опять же на Лубянке, правда местного значения. Допустим, в Алькатрасе. Или как у них тут это называется?..

Мои дела в ту пору шли неплохо. Вышла «Зона» на английском языке. На радио «Свобода» увеличилось число моих еженедельных передач.

Разбитый «крайслер» я сменил на более приличную «импалу». Стал задумываться о покупке дачи. И так далее.

Чужое неблагополучие меня, конечно, беспокоило. Однако в меньшей степени, чем раньше. Так оно с людьми и происходит.

Я все чаще повторял:

«Достойный человек в мои года принадлежит не обществу, а Богу и семье...»

И тут звонит Маруся. (Счет за телефон, как видно, оплатила.)

— Катастрофа!

— Что случилось?

— Все пропало! Этого я не переживу!

— В чем дело? Рафа? Левушка? Скажи мне, что произошло?!

Она заплакала, и я совсем перепугался.

— Муська, — говорю ей, — успокойся! Что такое? Все на свете поправимо...

А она рыдает и не может говорить. Хотя такие, как Маруся, плачут раз в сто лет. И то притворно...

Наконец сквозь плач донесся возглас безграничного отчаяния:

— Лоло!

— О Боже. Что с ним?

Муся (четко и раздельно, преодолевая немоту свершившегося горя):

— У-ле-тел!..

Как выяснилось, мерзкий попугай сломал очередную клетку. Опрокинул вазу с гладиолусами. В спальне разбросал Марусину косметику. На кухне съел ванильное печенье.

Под конец наведалься в сортир, где увидел раскрытое окно. И был таков.

Что им руководило? Ощущение вины? Любовь к свободе? Жажда приключений? Неизвестно...

Я стал утешать Марусю. Говорю:

— Послушай, он вернется. Есть захочет и придет. Вернее — прилетит.

Маруся снова плачет:

— Ни за что! Лоло ужасно гордый. Я его недавно стукнула газетой...

И затем:

— Он был единственным мужчиной в Форест-Хиллсе... Нет у меня ближе человека...

Плачет и рыдает.

Видно, так уж получилось. Чаша Мусиногоря переполнилась. Лоло явился тут, что называется, последней каплей.

Все нормально. Я такие вещи знаю по себе. Бывает, жизнь не ладится: долги, короста многодневного похмелья, страх и ужас. Творческий застой. Очередная рукопись в издательстве лежит который год. Дурацкие рецензии в журналах. Зубы явно требуют ремонта. Дочке нездоровится. Жена грозит разводом. Лучший друг в тюрьме. Короче, все не так.

И вдруг заклинит, скажем, молнию на брюках. Или же, к примеру, раздражение на морде от бритвы. И ты всерьез уверен — если бы не эта пакостная молния! Ах, если бы не эти отвратительные пятна! Жил бы я и радовался!.. Ладно...

Муся все кричит:

— Будь проклята Россия, эмиграция, Америка!..

— Откуда ты звонишь?

— Из дома.

— Заходи.

— Мне надо Левушку кормить. И Рафа должен появиться... Что я им скажу?! О Господи, ну что я им скажу?!..

И Муся снова зарыдала.

А дальнейший ход событий был таков. К шести явился Рафа. Он спросил:

— В чем дело?

Муся еле слышно выговорила:

— Лоло!

И Рафа сразу вышел, обронив единственное слово:

— Жди!

В шесть тридцать он был на Джамайке. Там, где брат его Рауль владел кар-сервисом «Зигзаг удачи». Молодой диспетчер сообщил, что брата нет. Что он поехал к своему дантисту. Будет завтра утром.

Рафаэль сказал:

— Как жаль.

Затем добавил:

— Встань-ка.

Молодой диспетчер с удивлением приподнял брови.

— Встань, — повысил голос Рафаэль.

И, оттолкнув диспетчера, склонился над мигающими лампочками пульта.

Микрофон в его руке напоминал фужер. Причем фужер с каким-то дьявольским, целительным напитком.

Медленно, отчетливо и внятно Рафа произнес:

— Внимание! Внимание! Внимание!

Затем он выждал паузу и начал:

— Братья!..

И через секунду:

— Слушайте меня! У микрофона Рафаэль Хосе Белинда Чикориллио Гонзалес!..

В голосе его теперь звучали межпланетные космические ноты:

— Все, кто на трассе! Все, кто на трассе! Все, кто на трассе, с пассажиром или без. С хорошей выручкой или пустым карманом. С печалью в сердце или радостной улыбкой на лице... К вам обращаюсь я, друзья мои!..

Все шире разносился его голос над холмами. Разрывными пулями неслись в эфир слова:

— Исчез зеленый попугай! Ловите попугая! Отзывается на клички: Стари Джопа, Пос, Мьюдилло и Засранэс...

Рафаэль упорно и настойчиво твердил:

— Исчез зеленый попугай! Ловите попугая!..

Что-то странное происходило в нашем замечательном районе. Вдоль по улицам неслись десятка три автомашин с зажженными мерцающими фарами. Сирены выли не переставая.

Рафаэль, склонившийся над пультом, черпал информацию:

— Алло! Я — тридцать восемь, два, одиннадцать. Сворачиваю на Континентал. Вижу под углом три четверти — зеленый неопознанный объект... Простите, босс, но это светофор!..

— Хай! Я — Лу Рамирес. Следую по Шестьдесят четвертой к «Александрерсу». В квадрате «ноль-один» — зеленая стремительная птица. Вышел на преследование... Догоняю... О, каррам-ба! Это «Боинг Ал Италия»...

— Эй, босс! Я — Фреди Аламо, двенадцать, сорок шесть. Иду по Елоустоун к Джуэл авеню. Преследую двух чудных филиппинок. Жду вас, босс!.. Что?.. Попугай? Тогда меняю курс на запад...

Час спустя все магистрали Форест-Хиллса были полностью охвачены дозорами. Отчеты поступали непрерывно:

— Босс! Оно зеленое и лает! Думаю, что это крашенная такса!..

— Босс! Я задержал его и посадил в багажник. Крупный говорящий попугай. Конкретно, говорит, что он — Моргулис...

— Босс! Как насчет павлина?.. Что? Откуда я звоню? Из зоосекшн в Медоу-парке...

Слухи у нас распространяются быстро. К девяти часам на трассу

выехали Баранов, Еселевский и Перцович. Следом поспешил Евсей Рубинчик в «Олдсмобиле». Пивоваров на своем рефрижератор-траке. Аркаша Лернер на зеленой «волве». Лемкус на разбитом мотоцикле «Харлей Дэвидсон», который выдала ему баптистская община.

Караваев и Зарецкий выставили пешие дозоры. Публицист Зарецкий нес огромный транспарант:

«Ловите попугая и Ефима Друкера!»

А на вопрос — при чем здесь Друкер, разъяснял:

— Он должен был издать мою работу «Секс при тоталитаризме». Вот уже три года я пытаюсь изловить его...

Занятно, что Ефим Г. Друкер тоже патрулировал одну из магистралей. Но — вдали от Караваева с Зарецким...

Рев стоял над Форест-Хиллсом:

— Ловите попугая! Ловите попугая! Ловите попугая!..

Тем временем Маруся накормила Левушку. Включила телевизор. Разодетый и похожий на хорошенькую барышню Майкл Джексон тонким голосом выкрикивал:

Я лечу сквозь тучи,
Я мчусь сквозь годы...
Что может быть лучше
Дурной погоды?!. [\[3\]](#)

С улицы долетали крики латиноамериканских мальчишек. Левушка стоял перед зеркалом в Марусиных пляжных очках. На кухне потрескивал тостер. Из уборной доносился запах водорослей.

Муся вынула из холодильника бутылку рома и подумала:

«Напьюсь и буду плакать до утра. Потом засну в чулках...»

— Напьюсь, — сказала вслух Маруся, — жизнь кончена...

Вдруг чей-то голос повелительно и строго молвил:

— Жить!

Маруся огляделась — никого.

Все тот же голос еще строже и решительней добавил:

— Факт!

Маруся поднялась из-за стола.

И снова:

— Жить!

А через две секунды:

— Факт!

И наконец скороговоркой:

— Шит, шит, шит, фак, фак, фак, фак... Шит, шит, шит, шит, фак, фак, фак...

— Лоло! — воскликнула Маруся, бросившись к окну.

Откинула портьеру.

Он стоял на подоконнике. Зеленый, с рыжим хохолком, оранжевыми бакенбардами и черным ястребиным клювом. Боевой семитский профиль выражал раскаяние и нежность. Хвост был наполовину выдран.

Прозвенел звонок. Маруся подбежала к телефону. Рафа подозрительно спросил:

— Ты не одна?

— Я не одна, — воскликнула Маруся, — приезжай. Но только приезжай скорей!..

Хэппи энд

К. дому Муси Татарович подъезжали вереницы легковых автомашин. Приятно щелкали замки вместительных багажников. Оттуда извлекались свертки, ящики, корзины в разноцветной упаковке, перевязанные лентами.

Баранов, Еселевский и Перцович, не снимая ярких галстуков, орудовали дружно молотками. Собирали на широком тротуаре привезенную частями белую двуспальную кровать.

Евсей Рубинчик нес, шатаясь, клетку из сварного чугуна. Она предназначалась для Лоло, хотя в ней мог бы уместиться Рафаэль.

Аркаша Лернер шел к Марусе налегке. Он ей принес билет нью-йоркской лотереи, купленный за доллар. А разыгрывалось в этот день четыре миллиона с небольшим.

Владелец магазина «Днепр» фантазией не обладал. Он снова прикатил Марусе целую телегу всяческих деликатесов. Но сама телега в этот раз была из мельхиора.

Друкер ограничился ста восемнадцатью томами «Мировой библиотеки приключений и фантастики».

Григорий Лемкус вынул из багажника квадратный полированный футляр. В нем помещалась кипарисовая лютня с инкрустациями. Лемкус пояснил, вручая Мусе инструмент:

— Облагораживает душу!

Чек он сохранил, загадочно при этом высказавшись:

— Таксдидактибл...

Всех удивил правозащитник Караваев. Он явился неопохмелившийся и мрачный. Захотел устроить в честь Маруси Татарович небольшое личное самосожжение. Буквально возле Мусино лифта.

Караваева успели потушить французским бренди «Люамель». Зеленый синтетический пиджак его, как выяснилось, был огнеупорным.

Караваев понемногу успокоился и вежливо спросил:

— Нельзя ли потушить меня внутри?

Ему был выдан дополнительный стакан того же «Люамеля»...

Всех растрогал публицист Натан Зарецкий. Подарил Марусе ценный, уникальный сувенир. А именно — конспиративную записку диссидента Шафаревича, написанную собственной рукой. Она гласила:

«Вряд ли».

И размашистая подпись:

«Шафаревич. Двадцать первое апреля шестьдесят седьмого года...»

Около семи к Марусиному дому подкатил роскошный черный лимузин. Оттуда с шумом вылезли четырнадцать испанцев по фамилии Гонзалес. Это были: Теофилио Гонзалес, Хорхе Гонзалес, Джессика Гонзалес, Крис Гонзалес, Пи Эйч Ар Гонзалес, Лосариллио Гонзалес, Марио Гонзалес, Филуменио Гонзалес, Ник Гонзалес и Рауль Гонзалес. И так далее. Был даже среди них Арон Гонзалес. Этого не избежать.

Как выяснилось, лимузин был их подарком жениху. Невесте же предназначалась серенада...

Стол был накрыт. Бутылки изготовились к атаке. Орхидеи, гладиолусы, тюльпаны — замороженно роняли лепестки в фаянсовое блюдо с неразрезанной индейкой.

Рафаэль был в смокинге. Невеста в белом платье с кружевами.

И все гости улыбались. И Лоло не сквернословил. И у Левушки привычно ощущалась неизменная конфета за щекой.

И музыка наигрывала. И все кого-то ждали. И я, честно говоря, догадываюсь, в общем-то, — кого. Живого автора.

И тут явились мы с женой и дочкой. И Маруся вдруг заплакала. И долго вытирала слезы кружевами...

Тут я умолкаю. Потому что о хорошем говорить не в состоянии. Потому что нам бы только обнаруживать везде смешное, унижительное, глупое и жалкое. Злословить и ругаться. Это грех.

Короче — умолкаю...

Письмо живого автора Марии Татарович

Вместо эпилога

Муся!

Ты довольно часто спрашивала — уж не импотент ли я? Увы, пока что — нет.

А если — да, то этот факт, как минимум, заслуживает комментариев.

Позволь тебе сказать, что импотенцию мою зовут — Елена, Ника, мама. В общем, ясно.

Да, я связан. Но куда серьезней то, что я люблю мои вериги, путы, цепи, хомуты, оглобли или шпоры. Всей душой...

Ты — персонаж, я — автор. Ты — моя причуда. Все, что слышишь, я произношу. Все, что случилось, мною пережито.

Я — мстительный, приниженный, бездарный, злой, какой угодно — автор.

Те, кого я знал, живут во мне. Они — моя неврастения, злость, апломб, беспечность. И т. д.

И самая кровавая война — бой призраков.

Я — автор, вы — мои герои. И живых я не любил бы вас так сильно.

Веришь ли, я иногда почти кричу:

«О Господи! Какая честь! Какая незаслуженная милость: я знаю русский алфавит!»

Короче, мы в расчете. Дай вам Бог удачи! И так далее.

А если Бога нет, придется, Муся, действовать самой.

На этом ставим точку. Точка.

Послесловие

«Не следует думать, — написал Иосиф Бродский о Сергее Довлатове, — что он стремился стать американским писателем, что был „подвержен влияниям“, что нашел в Америке себя и свое место». Даже в тех случаях, когда сюжеты прозаика родились — как в повести «Иностранка» — собственно в США, изображал Довлатов не «американскую жизнь», а жизнь наших соотечественников в новых для них условиях диаспоры. Впрочем, прозаик описывает тот случай, когда и самой диаспоры, рассеяния, толком осязать никому не удалось. Никто из его героев от самого себя не уехал, изменить себя им не вмоготу.

Но нельзя же сказать, что ничего не изменилось вовсе! Должна же в новых условиях какая-то трансформация с людьми происходить? В исследовании этой коллизии и состоит вся интрига повести.

Все те черты, что довлатовские персонажи приобрели на родине, в эмиграции проявились у них ярче, резче, едва ли не утрированное. В этом и состоит одно из кардинальных художественных наблюдений Довлатова, отчетливее всего переданное именно в «Иностранке»: за границей и лучшие, и худшие свойства человеческой натуры проступают наружу со всей определенностью, проступают сильнее, обостреннее, чем прежде.

Та выставка произвольных шаржей, что развернул прозаик в «Иностранке», передает именно это ощущение, обоснованное прежде всего опытом авторского самоанализа и подтвержденное в повести помещенным в ней автопортретом.

Довлатов жил в Нью-Йорке на той же 108-й улице Квинса, в одном из «шести кирпичных зданий вокруг супермаркета», где разворачиваются события повести, и признание рассказчика: «Я жил не в Америке. Я жил в русской колонии», выражает его личный, никак не посторонний к ним интерес. «Иностранка», написанная в 1985–1986 годах, была тут же издана в Нью-Йорке издательством «Russica Publishers» и живо обсуждалась в эмигрантской колонии. И не только в ней. Еще при жизни писателя повесть была переведена на английский, но, увы, напечатана уже после его смерти известным нью-йоркским издательством «Grove Weidenfeld» в 1991 году.

При беспощадном художественном зрении людским порокам Довлатов все же скорее сочувствует, чем их бичует. Волнуют его частные интересы и частные случаи, к ревнителям господствующей морали он всегда относится с подозрением. Писатель на стороне тех, кого общественное мнение

расценивает как людей лишних и никчемных. Пример тому — и героиня «Иностранки», и сам ее автор, оказавшийся лишним человеком в нашем богоспасаемом отечестве.

По Довлатову, окружающий нас мир «знаком и противен», а жизнь — грустна. Следовательно, не будем ее делать вовсе безнадёжной. Будем улыбаться. Хотя бы как ограбленная героиня в финале одного из любимых фильмов Довлатова «Ночи Кабирии». Будем жизнерадостны. Хотя бы как Маруся Татарович.

Смеются там, где плачут. Это не притча о дураке, перепутавшем похороны со свадьбой. Это содержание и смысл прозы Сергея Довлатова, одного из умнейших прозаиков последних десятилетий.

Андрей Арьев

notes

Примечания

Каламбур В. Бахчаняна.

Шуточное стихотворение Г. Варшавского.

Перевод В. Голованова.